

Экз. №

СТЕНОГРАММА

СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО СУДЕБНОГО ПРИСУТСТВИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР от 11 июня 1937 года

**по делу Тухачевского М. Н., Якира И. Э., Уборевича И. П., Корка А. И.,
Эйдемана Р. П., Фельдмана Б. М., Примакова В. М. и Пути В. К. по
обвинению в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58^{1а}, 58⁸ и 58¹¹
УК РСФСР**

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Допрос подсудимого Якира И. Э.	4
" " Тухачевского М. Н.	37
" " Уборевича И. П.	72
" " Корка А. И.	79
" " Эйдемана Р. П.	107
" " Путна В. К.	108
" " Примакова В. М.	123
" " Фельдмана Б. М.	135
Последнее слово подсудимого Якира И. Э.	151
" " " Тухачевского М. Н.	153
" " " Уборевича И. П.	155
" " " Корка А. И.	155
" " " Эйдемана Р. П.	158
" " " Путна В. К.	162
" " " Примакова В. М.	164
" " " Фельдмана Б. М.	168

СТЕНОГРАММАСУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО СУДЕБНОГО ПРИСУТСТВИЯВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССРот 11-го июня 1937 года

Председатель Суда армвоенюрист тов.УЛЬРИХ, В.В.:

Заседание Специального Судебного Присутствия Верховного Суда Союза ССР об"являю открытым.

Слушается дело по обвинению в измене родине, шпионаже и подготовке террористических актов ТУХАЧЕВСКОГО, М.Н., ЯКИРА, И.Э., УБОРЕВИЧА, И.П., КОРКА, А.И., ЭЙДЕМАНА, Р.П., ПРИМАКОВА, В.М., ФЕЛЬДМАНА, Б.М. и ПУТНА, В.К.

Тов. комендант, подсудимые все налицо?

Комендант суда: Все налицо и находятся в зале под стражей.

Председатель: Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ, копию обвинительного заключения получили?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: Да, получил.

Председатель: Подсудимый ЯКИР, копию обвинительного заключения получили?

Подсудимый ЯКИР: Так точно.

Председатель: Подсудимый УБОРЕВИЧ, получили обвинительное заключение?

Подсудимый УБОРЕВИЧ: Да, получил.

Председатель: Подсудимый КОРК, получили копию обвинительного заключения?

Подсудимый КОРК: Получил.

Председатель: Подсудимый ЭЙДЕМАН, копию обвинительного заключения получили?

Подсудимый ЭЙДЕМАН: Да, получил.

Председатель: Подсудимый ПРИМАКОВ, копию обвинительного заключения получили?

Подсудимый ПРИМАКОВ: Да, получил.

Председатель: Подсудимый ФЕЛЬДМАН, копию обвинительного заключения получили?

Подсудимый ФЕЛЬДМАН: Да, получил.

Председатель: Подсудимый ПУТНА, копию обвинительного заключения получили?

Подсудимый ПУТНА: Да, получил.

Председатель: Объявляю состав Суда по данному делу:

Председательствующий - председатель Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР - армвоенюрист тов. УЛЬРИХ, В.В.;

Члены присутствия: Зам. Наркома Обороны СССР - командарм 2-го ранга тов. АЛКСНИС, Я.И., Командующий Особой Краснознаменной Дальне-восточной армией - маршал Советского Союза тов. БЛЮХЕР, В.К.; Командующий Московским военным округом - маршал Советского Союза БУДЕННЫЙ, С.М., Начальник Генерального штаба РККА - командарм 1-го ранга тов. ШАПОШНИКОВ, Б.М.; Командующий войсками Белорусского военного округа - командарм 1-го ранга тов. БЕЛОВ, И.П.;

Командующий войсками Ленинградского военного округа - командарм 2-го ранга тов. ДЫБЕНКО, П.Е.; Командующий войсками Северо-кавказского военного округа - командарм 2-го ранга тов. КАШИРИН, Н.Д. и командир 6-го кавалерийского казачьего корпуса им. т. Сталина - комдив тов. ГОРЯЧЕВ, Е.И.; Секретарь судебного присутствия тов. ЗАРЯНОВ.

Отводов против состава суда нет?

Подсудимые: Нет.

Председатель: Имеются ли у подсудимых ходатайства о вызове свидетелей или истребовании каких-нибудь новых документов? Нет.

Тов. секретарь, об"явите обвинительное заключение.
(Секретарь зачитывает обвинительное заключение).

Председатель: Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ, признаете ли вы себя виновным в обвинениях, которые вам пред"явлены?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: Да.

Председатель: Подсудимый КОРК, признаете ли вы себя виновным в обвинениях, которые вам пред"явлены?

Подсудимый КОРК: Да.

Председатель: Подсудимый ЯКИР, признаете ли вы себя виновным в обвинениях, которые вам пред"явлены?

Подсудимый ЯКИР: признаю себя виновным.

Председатель: Подсудимый УБОРЕВИЧ, признаете вы себя виновным в обвинениях, которые вам пред"явлены?

Подсудимый УБОРЕВИЧ: Признаю.

Председатель: Подсудимый ПУТНА, признаете вы себя виновным в обвинениях, которые вам пред"явлены?

Подсудимый ПУТНА: Да, признаю.

Председатель: Подсудимый ЭЙДЕМАН, признаете Вы себя виновным в обвинениях, которые вам пред"явлены?

Подсудимый ЭЙДЕМАН: Да, признаю.

Председатель: Подсудимый ПРИМАКОВ, признаете вы себя виновным в обвинениях, которые вам пред"явлены?

Подсудимый ПРИМАКОВ: Да.

Председатель: Подсудимый ФЕЛЬДМАН, признаете вы себя виновным в обвинениях, которые вам пред"явлены?

Подсудимый ФЕЛЬДМАН: Признаю себя виновным.

Председатель: Приступаем к допросу подсудимых.

Подсудимый ЯКИР, показания, которые вы дали на предварительном следствии в мае с.г., а также заявление, которое вы адресовали Народному Комиссару Внутренних Дел тов. ЕЖОВУ, - подтверждаете?

Подсудимый ЯКИР: Да, подтверждаю.

Председатель: У меня к вам один вопрос. Расскажите суду, когда вы вошли в антисоветскую троцкистскую организацию, какие эта организация ставила перед собой цели, в чем заключалась работа этой антисоветской организации и ваше личное участие в ней?

Подсудимый ЯКИР: Если разрешите, я скажу два слова в виде введения к ответу на ваш вопрос.

В течение многих лет я был честным, преданным и самоотверженным солдатом страны, армии, партии, но и в это же время червоточина гнилого либерализма, примиренчества, как правило, была у меня. Даже в прошлые годы, в 1923, 1927 г.г., когда я стоял на правильных ленинских позициях, я с одной стороны боролся с оппозицией, а с другой стороны, как правило, жалел оппозиционеров. Жалел и сохранял с ними связи, сохранял связи личные и, мало того, помогал и поддерживал очень большое количество троцкистов. Это касается связей с контрреволюционными людьми типа ГОЛУБЕНКО, ЛИВШИЦА, ЛОГИНОВА, а также с группой военных троцкистов ПРИМАКОВА, скрытого троцкиста КУЗЬМИЧЕВА, ОХОТНИКОВА и целого ряда других троцкистов, которых я поддерживал, за которых мог замолвить словечко, сказать что человек исправится, раскается, а на самом деле эти троцкисты продолжали свое дело при моей поддержке.

Однако, я повторяю, и это еще не тот период, когда я стал на путь предательства, на путь борьбы со страной и с партией. В 1931-1932 г.г. результаты колхозного строительства тяжело на меня повлияли. Большое количество материалов, писем, ходяков, которые являлись из села в казармы, оказали на меня свое влияние, и здесь начались мои серьезные политические колебания.

К этому времени относится мое сближение и улучшение личных отношений с УБОРЕВИЧЕМ и ТУХАЧЕВСКИМ.

Я, собственно, с ними и раньше имел отношения, с очень давних времен. Такое личное сближение наших отношений наступило непосредственно вслед за 1932 годом. Началось оно с того, что мне, как человеку, не имевшему специально-го военного образования, все время указывали: "Учись больше военному делу". Я считал большими авторитетами в вопросах военного дела ТУХАЧЕВСКОГО и УБОРЕВИЧА, и на этой почве началось наше сближение. К этому времени начались мои разговоры с ГАМАРНИКОМ, который, придя в Политуправление РККА, работал честно и добросовестно, но который к этому периоду - к концу 1932-1933г.г. стал в разговорах со мной высказывать целый ряд критических, а потом антисоветских взглядов. Сближение мое с ТУХАЧЕВСКИМ и УБОРЕВИЧЕМ сперва привело к беспринципной группировке, направленной против руководства Красной армии, началась критика беспорядков, существующих в ведомстве Генерального штаба, затем перешли от этого на антисоветские разговоры, на взаимные информации об антисоветских настроениях, о, якобы, существующих трудностях в связи с коллективизацией, в первую очередь, на селе и т.д. Одновременно я имел целый ряд аналогичных разговоров с ГОЛУБЕНКО и с ЛИВШИЦЕМ, которым я не давал никакого положительного ответа, но которых я слушал, молчал и давал понять, что я знаю и сочувствую к-р работе, проводимой ими и другими троцкистами.

Таким образом, я подошел к тому моменту, когда после очень тяжелого заболевания печени в 1934г. ТУХАЧЕВСКИЙ впервые, более или менее определенно, сказал мне о том, что значительная слабость наших возможностей, объединение фашистских действий Германии и Японии с Польшей приводят к такому положению, когда нам надо разрушать существующий порядок, и он тут же мне сказал, что имеет связи, как с ТРОЦКИМ, так и с Германским генеральным штабом. В первом же разговоре с ТУХАЧЕВСКИМ или во втором, но в один из этих разговоров, ТУХАЧЕВСКИЙ, не рассказывая подробностей, сказал мне о том, что ТРОЦКИЙ ставит задачу обязательного усиления работы контрреволюционных и антисоветских элементов в армии, и что он, ТУХАЧЕВСКИЙ взял на себя задачу организовать и объединить эти антисоветские контрреволюционные элементы. Далее ТУХАЧЕВСКИЙ изложил мне директиву ТРОЦКОГО, согласованную с Германским генеральным штабом и несколько детализированную им лично. Эта директива заключалась в следующем: первый пункт программы, намеченной ТРОЦКИМ - это правительственный переворот, подготовляемый "москвичами", участниками контрреволюционной, антисоветской право-троцкистской организации, которым удалось нащупать и войти в связь с рядом кремлевских чекистов и с непосредственной военной охраной Кремля в лице начальника Кремлевской военной школы ЕГОРОВА, и определенной группы командного и курсантского состава этой школы.

Я должен добавить, что, говоря о перевороте, ТУХАЧЕВСКИЙ впоследствии сообщил мне, что аналогичную подготовку надо провести и на местах с тем, чтобы можно было одновременно произвести захват в свои руки ряда очень важных пунктов на периферии.

Второй пункт программы следующий: если бы первый вариант не удался, надо подготовить поражение красных армий. Обмениваясь с ТУХАЧЕВСКИМ и УБОРЕВИЧЕМ мнениями по второму пункту, мы очень часто останавливались на вопросе такого порядка, что безотносительно к нашей вредительской, враждебной, контрреволюционной антисоветской работе, нам казалось, что сила, имеющаяся в первом эшелоне на западном театре, в первую очередь, недостаточна и, что это само по себе определяет очень большие трудности в случае столкновения с польско-германским блоком; что у нас нет полного и достаточного учета вхождения в антисоветский блок новой, очень крупной и быстро выковывавшейся силы, какой является фашистская Германия. Но так как это было недостаточно, ТУХАЧЕВСКИЙ, сначала неопределенно, потом более конкретно поставил передо мной и УБОРЕВИЧЕМ, и, очевидно, и перед другими участниками заговора из Ленинграда, задачу продумать такой пораженческий план, который облегчил бы вторжение в нашу страну польско-германских фашистских войск.

Я упустил сказать, что во время первого или второго разговора с ТУХАЧЕВСКИМ, в ответ на его предложение, о моем вхождении в центр, или руководстве заговором я дал ему на это свое согласие.

Председатель: Этот разговор с ТУХАЧЕВСКИМ к какому году и месяцу относится?

Подсудимый ЯКИР: Первый разговор относится к осени 1934 г., причем я не могу утверждать был ли он до моего заболевания летом 1934 или после, т.е. осенью того же года.

Председатель: В общем во второй половине года?

Подсудимый ЯКИР: Да. Второй разговор с ТУХАЧЕВСКИМ был весной 1935 года.

Мы приняли на себя подготовку поражения Красной армии, и, как я сказал, ее на местах продумывали, причем, ТУХАЧЕВСКИЙ обратил мое внимание на Летичевский укрепрайон. Я впоследствии доложил ему, что это правильно, что одним из основных моментов облегчения вторжения польско-германских войск и поражения красных армий на украинском театре является наиболее важный и ответственный участок между Днестром и Шепетовкой. Для этого мы должны привести в не вполне боееспособное состояние Летичевский укрепрайон, т.к. местность юго-западной Украины наиболее благоприятна и доступна для действий польско-германских войск.

Третий момент подготовки поражения Красной армии,

указанный мне ТУХАЧЕВСКИМ, был вопрос об организации вредительства как в боевой подготовке, так и в материально-техническом вооружении Красной армии. Причем, и тогда и несколько позже ТУХАЧЕВСКИЙ говорил, что основную работу по организации вредительства в центральных материально-вооруженческих управлениях РККА будут вести участники заговора из центрального аппарата, которые впоследствии стали мне известны: ЕФИМОВ и целый ряд других, названных мною на предварительном следствии. На местах ТУХАЧЕВСКИЙ предложил продумать этот вопрос, правда, с некоторым сейчас совершенно очевидным и смешным соображением такого порядка, что вообще это дело надо так вести, чтобы в случае серьезных разговоров с немцами, можно было располагать своей значительной силой. Должен доложить, что наше положение командующих войсками и полное доверие к нам как сверху, со стороны руководства партии, правительства и армии, так и снизу, со стороны наших командиров, помогало нам выполнить нашу задачу полностью, без сколько-нибудь серьезного нарушения боеспособности войсковых частей, рядом специальных распоряжений, т.е. не нужно было обязательно сделать небоеспособной ту или иную дивизию (что могло бы плохо отразиться в дальнейшем на сохранении наших сил) - когда можно было, без всяких трудов отдать телеграфное распоряжение командующего о движении не в том направлении, куда надо, а обратно, влекущим за собой

тяжелое положение войскового соединения.

1) В соответствии с указаниями и планом ТУХАЧЕВСКОГО была проведена вредительская работа, в частности по Лети-чевскому укрепленному району (особенно на правом фланге его), где я через САБЛИНА, ЖУКОВА и военных инженеров-зиновьевцев задержал целый ряд элементов оборудования.

Ряд точек были поставлены настолько низко и неправильно посажены, что обстрел их был ограничен. Они не имеют полной ценности пока не будут проведены значительные земляные работы. Это сделали зиновьевцы несколько раньше получения моей директивы.

2) Второе: я имел сведения и знал о том, что ЛИФШИЦ и его организация, а с другой стороны, АППОГА и военные сообщенцы проработали план организации целого ряда пробок на узловых и больших станциях, которые должны были повести к задержке сосредотачивающихся к границе войск, в тот период, когда запутанные нашими распоряжениями пограничные части попадали в значительно тяжелое положение под давлением польских войск.

Кто имел... Эта задача была намечена нами и людьми троцкистской организации по линии ЛИФШИЦА, и по линии военных сообщенцев у АППОГИ были к этому приготовлены.

Следующая задача, о которой говорил мне ТУХАЧЕВСКИЙ, заключалась в том, что он будет поддерживать прямые непосредственные отношения как с ТРОЦКИМ, так и с германским генеральным штабом. С первым - через ПЯТАКОВА, со

вторым через ПУТНА, а также через личные связи, когда он будет за-границей. С германским генеральным штабом он будет держать связь непосредственно через полковника, а затем генерала КЕСТРИНГА, германского военного атташе в Москве, и использует ряд своих поездок заграницу и встречи на дипломатических приемах.

В последующем ТУХАЧЕВСКИЙ в разное время говорил мне о том, что он получил от ТРОЦКОГО ряд уточнений к его директивам и его согласие по мероприятиям, намеченным нашей антисоветской организацией.

Вот те основные пункты программы, которые были поставлены перед нами менее определенно при первой встрече и более определенно при встречах втроем: ТУХАЧЕВСКИЙ, ЯКИР и УБОРЕВИЧ, и которые потом последовательно и постепенно конкретизировались и выливались в большой план переворота.

ТУХАЧЕВСКИЙ всегда говорил нам со слов КОРКА и "москвичей" - (один раз он упомянул по этому поводу фамилию ЕНУКИДЗЕ), что мероприятия по организации переворота также развиваются успешно.

Я должен сказать прямо, что с ГАМАРНИКОМ коллективного разговора (ТУХАЧЕВСКИЙ, ЯКИР и УБОРЕВИЧ) о планах нашего заговора никогда не было. Разговоры с ГАМАРНИКОМ у меня происходили отдельно. О плане поражения красных армий на Дальнем Востоке (вторая часть общего плана поражения) мне было известна, но не в деталях. Разновремен-

но ГАМАРНИК мне сообщил о работе членов заговора на Дальнем Востоке, сводящейся к ряду вредительских действий, проводимых САНГУРСКИМ, АРОНШТАМОМ, ЛАПИНЫМ и рядом других людей, по укрепленным районам в строительстве, в питании и снабжении войск на военное время, и о связях с японцами, а также систематической работе по дискредитации авторитета БЛЮХЕРА, которую проводили все эти люди при поддержке со стороны ГАМАРНИКА.

Несмотря на то, что ТУХАЧЕВСКИЙ неоднократно говорил мне о необходимости самой исключительной конспирации (на что указывал ему неоднократно ТРОЦКИЙ, говоря о том, что военный заговор и его участники ни в коем случае не могут быть связаны с другими путями и другими линиями), связь, правда, эпизодическая, мало определенная, главным образом, по линии взаимной информации, все же, имела место. В частности, два раза ТУХАЧЕВСКИЙ говорил нам о полученной им информации от ПЯТАКОВА, говорил о своих разговорах с правыми - с ЕНУКИДЗЕ, и об одном разговоре с БУХАРИНЫМ. Я также имел связь с ГОЛУБЕНКО и ЛИВШИЦЕМ, которые рассказывали мне о существовании и работе украинской троцкистской организации.

Я хотел бы еще несколько слов добавить к реализации указаний руководителя нашей организации ТУХАЧЕВСКОГО, относительно собирания всяких антисоветских групп и элементов, могущих пригодиться в случае нужды.

ТУХАЧЕВСКИЙ обращал наше внимание, мое и УБОРЕВИЧА, на то, что нам надо серьезно заинтересоваться националис-

3) тами на Украине и в Белоруссии, что мы, будучи людьми, располагающими секретными материалами и имеющими возможность пользоваться цекистскими и чекистскими материалами, можем ориентироваться, знать, где, какие националистические, контрреволюционные организации существуют и попробовать с ними связаться. Такие задачи я ставил перед некоторыми членами нашего антисоветского заговора, но я должен прямо сказать, что в связи с разгромом в 1935 году националистического подполья, больших конкретных результатов, чтобы можно было говорить о каких-нибудь организациях и людях, я добиться не мог. Такие же результаты, как мне кажется, были и у УБОРЕВИЧА в Белоруссии. На эти организации мы имели в виду опереться и при необходимости использовать их. Мы также рассчитывали опереться на озлобленный антисоветский элемент, которого в армии не мало. К этой категории людей мы относили, например, исключенных из партии, которых в Киевском округе 1.500 человек. Больших результатов здесь быть также не могло, так как эти кадры находятся в поле зрения органов контроля, но в случае нужды мы могли на них также опереться. Вот схематически основное и главное, мне кажется, я сказал. Все фамилии людей, вовлеченных мною лично в заговор и известных мне со слов других я перечислил в своих показаниях. Я не остановился еще на том, что у меня были две совместные встречи с ТУХАЧЕВСКИМ, УБОРЕВИЧЕМ и КОРКОМ. Оба раза КОРК говорил о

"москвичах", о своем заместителе, о подготовке переворота в Москве. В показаниях я говорил, что это происходило на квартире у ТУХАЧЕВСКОГО. Фамилия ГОРБАЧЕВА не была КОРКОМ названа, но он сказал, что моему заместителю удалось связаться с кремлевскими чекистами и подготовить группу военных, перед которыми будет поставлена такая-то задача. Второй раз КОРК говорил нам о том, что ГОРБАЧЕВ имеет задание произвести значительную замену командного состава в Московской пролетарской дивизии. Он назвал, кажется, цифру 120 человек, обработанных выпускников, чтобы затем иметь в своих руках соединение, которым бы являлась Московская пролетарская дивизия. Третий разговор с КОРКОМ был по его приезде в Киев в мае этого года. Он ехал выбирать место для лагерей, и этот разговор был короткий, ибо я был уже снят с округа и совершенно растерян, а от ТУХАЧЕВСКОГО, в связи с начавшимися арестами военных была директива временно замереть, чтобы не обнаружить себя.

КОРК рассказал о ряде провалов в Москве и спрашивал буду ли я продолжать дело заговора в случае ареста ТУХАЧЕВСКОГО. Я, больше чтобы отделаться от него, сказал, что буду, хотя мне было ясно, что все дело провалено и раскрыто, и попросил КОРКА, чтобы он по приезде в Москву тут же меня информировал о новых арестах и дальнейшем раскрытии заговора. Такой же разговор был у

меня с ГАМАРНИКОМ, который был совершенно растерян и говорил, что круг с'ужается.

Председатель: Когда имел место ваш разговор с ГАМАРНИКОМ?

Подсудимый ЯКИР: Совсем недавно, дней за 15 до ареста. Это было во время совещания, которое происходило в ЦК, примерно, дней 20 тому назад. Продолжаю. ГАМАРНИК говорил, что круг с'ужается, видимо, не избежать ареста, и я еще тогда, несмотря на то, что это был разговор растерянных людей, сказал ГАМАРНИКУ, что при том отношении, которое существует к нам со стороны руководства партии и армии, вряд ли возможен наш арест. Таким образом получается, что мне (я на это почти никакого права не имею, как человек перед концом своей жизни вернувшийся в свою страну или к своей стране, подло ей изменивший и предавший, особенно на протяжении последнего периода) видны, с одной стороны, та гигантская разрушительная работа, которая проделывалась нашей право-троцкистской военной организацией, с другой стороны, та пропасть, в которую сумел втянуть меня, благодаря моим колебаниям в прошлом, самый подлый из подлых - ТРОЦКИЙ своими тенетами, через разные пути, разными подходами. Для меня - человека (если можно мне еще верить), полностью раскаявшегося и желающего только одного - помочь стране ликвидировать в кратчайший срок тот громадный

ущерб, который нанесен нашей организацией, остается, собственно говоря, только одно - просить Вас - людей в подтверждение...

Председатель: Это не ваше последнее слово. Последнее слово подсудимого будет вам предоставлено.

Подсудимый ЯКИР: Я говорю о том, что обращаюсь к Вам, знающим меня на протяжении многих лет до того, как я встал на путь предательства, Вас именно, Суд, я прошу верить тому, что я говорю правду и только правду и, как мне кажется, всю правду.

Председатель: В одном из ваших показаний записано следующее: "Признаю себя виновным... (зачитывается выдержка из показаний ЯКИРА на предварительном следствии)".

Тов.БЛЮХЕР: Подсудимый ЯКИР, в чем конкретно выражалась ваша подготовка поражения авиации Красной армии в будущей войне?

Подсудимый ЯКИР: Я вам толком не сумею сказать ничего, кроме того, что написал следствию. Я написал, что, во-первых, я представляю себе таким образом, что параллельно с нашей вредительской работой, которая очень незначительно каснулась авиации, какая то центральная организация проводила очень крупные вредительские дела в авиации, как в вопросах материальной части (о чем я подробно написал), так и в целом ряде прочих вопросов: комплектования кадров, материально-технического снабжения и т.д.. Во-первых, вредительски был построен Шепетовский

5 аэродром, что сделал КИКАЧИ - инженер по воздушным силам, несмотря на то, что там присутствовал ВЕЙНГАУЗ, ничего не заметивший; во-вторых - вредительская организация постройки прочих аэродромов. Затем, безусловно, вредительствовали в вопросе организации полевой аэродромной сети, которая в подавляющем большинстве, по размерам площади или не позволит, или затруднит работу скоростной авиации. Авиация переходит на большие скорости, большие взлетные пространства, а полевые площадки растут недостаточно и могут поставить в тяжелое положение авиацию. Кроме того, большая вредительская работа была проведена по материально-технической части, по материально-техническому снабжению и кадрам. В третьих - отсутствие топливности или отсутствие подбадривания авиационных соединений, совершенно необходимых, без которых не могут работать при ночных полетах, особенно в скоростной авиации.

Тов. БЛЮХЕР: Кто персонально из крупных начальников, вам известных, был вовлечен в эту контрреволюционную организацию?

5 Подсудимый ЯКИР: По Киевскому военному округу, кроме указанного РОЗЕНБЛАТА, затем зам.нач.штаба киевской бригады, комиссара одной из штурмовых эскадрилей, одного инженера Конотопской бригады, который потом перешел в Белоцерковскую бригаду (всех я перечислил на предварительном следствии), других назвать не могу.

Тов. АЛКСНИС: Как предполагали вы использовать и предполагали ли использовать авиацию Киевского военного округа на поддержку московского восстания мятежников, если бы такое состоялось.

Подсудимый ЯКИР: На этот счет плана не было. Был один разговор с ТУХАЧЕВСКИМ, вернее он говорил нам, что кто-то, кажется ЕНУКИДЗЕ, говорил ему, что было бы хорошо рассчитывать на какую-либо подмогу и ТУХАЧЕВСКИЙ ответил: "Нет, пожалуйста, развертывайте работу, потому что рассчитывать на это невозможно".

Председатель: В чем выразилось вредительство по боевой подготовке, помимо ограничения ночных полетов в авиации?

Подсудимый ЯКИР: Я об этом вопросе говорил в особом письме. Но я думаю, что здесь не надо было прикладывать особенного вредительства, поскольку в этом вопросе существует много непорядков. Мы замедляли работу в полевой скоростной авиации ночью и опирались на аналогичную линию, идущую из Москвы, которая нам ничего не давала. Это дело было просто,

так как у нас все перестраивалось, и поэтому оно не представляло никаких трудностей.

Тов.БУДЕННЫЙ: Подсудимый ЯКИР, вы в своих показаниях очень туманно коснулись многих кавалерийских начальников, которые были с вами в близких связях, но никого по фамилии не называли. Была ли у вас связь с такими, как ДЕМИН, ГРИШИН, МАРКОВ, ФЕДОРОВ, МАРКЕВИЧ, ПРОВАТОРОВ и друг.

Были ли эти люди завербованы в организацию или же у вас были с ними лишь, как вы туманно сказали, близкие отношения.

Подсудимый ЯКИР: Я упустил доложить, что я, как командующий войсками округа, вообще должен был быть осторожнее с вербовкой. Во-первых, я не доложил того, что я делал подробно в своих показаниях. Я не сказал о своих взаимоотношениях с людьми, вообще в округе, в частности с теми, с которыми я проработал более 12 лет и с которыми у меня установились и были исключительно близкие отношения, причем людей я знал и они были своими людьми, в кавыч-

ках. Если бы я этих людей вербовал, то я сказал бы о них.

ПРОВАТОРОВА к этой категории лиц я отнести не могу.

На ДЕМИДОВА, ГРИГОРЬЕВА и ряд других я рассчитывал, но не вербовал, кроме НИКУЛИНА. Я знал их преданность ко мне, как командующему округом и отношение к Вам и представлял себе, что смогу их использовать, однако, не было такого положения, чтобы я прямо сказал, что, вот, существует центр, организация, заговор, что я тебя вовлекаю, - таких разговоров с ДЕМИДОВЫМ не было; с ГРИГОРЬЕВЫМ был разговор, но повторить его я не успел, т.к. был арестован.

Тов. БУДЕННЫЙ: Вы показали, что в 1935 году со слов ТУХАЧЕВСКОГО, у него в кабинете, вам стало известно о том, что КОРК развернул большую работу по вербовке и вредительству в Московском военном округе, кроме того, он вам сообщил, что ЭЙДЕМАН развернул такую же работу в Осоавиахиме.

В чем именно выражалась эта вредительская работа, какие люди были завербованы и где проводилась эта вредительская работа?

Подсудимый ЯКИР: Эта информация была общей. Вообще мы друг друга информировали очень общо из ряда соображений, но когда он говорил о людях, он говорил о ЕГОРОВЕ, о группе чекистов во главе с ЕНУКИДЗЕ и что эта работа по вербовке была переброшена в военную академию, а также в округ, но людей не называл. Когда говорил о вредительстве, то речь шла о значительном понижении бое- способности московских частей, пользуясь тем, что Москва является резервуаром, питающим Дальний восток, отправляющей туда новые части.

Ему удавалось насаждать в Москве антисоветский начальствующий состав, который позволял резко ослаблять состояние боевой подготовки войск.

Тов.БУДЕННЫЙ: Обвиняемый ЯКИР, с какой целью Вы настаивали на включение мото-полка в кавалерийскую дивизию?

Обвиняемый ЯКИР: Я настаивал, и сейчас в своем письме Наркому настаиваю на том, что это нужно сделать, и говорю это из самых честных побуждений. Когда я здесь говорил, то не считал нужным суду докладывать об этом, но скажу, что в ЯКИРЕ было 2 человека, два ЯКИРА. Один ЯКИР - учил, проводил занятия, а другой-сволочь, который продавал и делал опасные враждебные дела. Я говорю, что это я предлагал как честный человек и сейчас я, раскаявшись настаиваю категорически на том, чтобы этот опыт проделать, объединить мото-полк с кавалерийской дивизией.

Тов. БУДЕННЫЙ: Вы шли по сокращению конного ядра, который не представляет из себя технически вооруженной силы, а по коннице вы считаете что в этом есть здравый смысл?

Еще один вопрос: Кто именно из московских вредителей расстраивал организацию ПВО в округах. Конкретно, кто именно?

Подсудимый ЯКИР: Я фамилию не называл, потому что о КАМЕНЕВЕ я услышал после его смерти. Точно сказать, кто это делал непосредственно из аппарата - не могу. В округе это делал начальник противовоздушной обороны ШВАЧКО.

т. БУДЕННЫЙ. В своих показаниях вы упоминаете тов. ЛУКИНА - коменданта г. Москвы. Он был завербован вами?

Подсудимый ЯКИР: Нет, я перечислил его в числе людей, которые ко мне просто хорошо относились и работали долгое время под моим руководством, но не в числе завербованных мною или другими участниками.

Я обращал внимание в своих показаниях на то, что, наряду с значительным количеством завербованных нами людей, было очень большое количество людей с которыми я находился в очень хороших близких отношениях.

На одних я мог рассчитывать в случае необходимости, на других - нет. Поэтому я несколько раз говорил следователю, что здесь надо разобраться.

О ЛУКИНЕ я говорил в том свете, что он всегда прибежал ко мне понять /о ЛУКИНЕ я просил наркома/, но завербован он мною не был.

т.БУДЕННЫЙ: Еще один вопрос. В ваших показаниях сказано, что вы имели ввиду опереться на 8-ю мехбригаду, которой командовал ШМИДТ, для того, чтобы совершить в Киеве переворот. С другой стороны, в этом же показании, где вы говорите о вашей вредительской работе, вы указываете, что "эту бригаду при помощи ШМИДТА и меня мы развалили буквально". Как вы могли рассчитывать на нее, как на боеспособную силу при перевороте?

Подсудимый ЯКИР: Я рассчитывал только на 2.000 человек, а не на бригаду. Я считал, что в случае получения сообщения о перевороте в Москве, под ложным обманным лозунгом о том, что в Москве восстание против правительства, вызвать бригаду якобы для охраны и потом при помощи части людей, завербованных ШМИДТОМ, и при помощи обманутых, произвести переворот на Украине.

т.БЛЮХЕР: У меня к подсудимому ЯКИРУ имеется вопрос. Он здесь в своих показаниях очень не отчетливо сказал о ГАМАРНИКЕ.

Я знаю личные ваши отношения с ним и, мне кажется, что вы говорите здесь не все. Нельзя ли Суду несколько подробнее сказать о роли ГАМАРНИКА в контр-революционном троцкистском заговоре. Я думаю, что вы знаете больше, чем говорите.

Обвиняемый ЯКИР: Видите ли, я все основное и главное здесь сказал. Я сказал, что мало представляю себе Дальний Восток и поэтому конкретно не могу сказать, где, что могло и должно быть нарушено или испорчено. О своих

же разговорах с ГАМАРНИКОМ я написал подробно. Я говорил, что в 1934 году он начал колебаться, что в этом году его настроения стали явно антисоветскими, что, возвратясь с Дальнего Востока в 1934 году, он говорил совершенно отчетливо об этом. Японцы за это время громадное количество дорог подвели к стратегическим пунктам.

т.БЛЮХЕР. Вы говорите о роли ГАМАРНИКА, о его работе на Дальнем Востоке. Меня же интересует его работа в центре. Был ли он под ТУХАЧЕВСКИМ?

Обвиняемый ЯКИР: Нельзя сказать, чтобы он был под ТУХАЧЕВСКИМ.

т.БЛЮХЕР: Или нечто больше?

Обвиняемый ЯКИР: Я с ГАМАРНИКОМ говорил совершенно подробно о вредительской к.-р. работе, т.-е. я информировал его, не называя имен, кроме того, что он знал нас и о нашей работе. Он информировал через меня центр. К тому, о чем я говорил здесь о работе на Дальнем Востоке, ничего добавить о работе ГАМАРНИКА в этой части не могу. Я говорил, что у нас был определенный контакт с ГАМАРНИКОМ. Я думаю, что формулировка в этом документе насчет центра не отвечает существу. У него своя политическая линия. Вы понимаете, что он вряд-ли пошел бы на открытые отношения с ТУХАЧЕВСКИМ, КОРКОМ и другими, потому что это бросилось бы в глаза. Я говорил, что я был человеком, который его информировал и информировался у него. Фамилии людей, о которых я слышал, я в своих показаниях назвал.

т.БЛЮХЕР. В своих последних показаниях вы указали на свой разговор с ТУХАЧЕВСКИМ о создании запасного центра на случай возможного провала вашей организации.

Обвиняемый ЯКИР. В своих показаниях я не говорил о запасном центре. Я говорил, что ТУХАЧЕВСКИЙ, когда начались аресты, сказал, что "тебе как ответственному очень человеку, как члену центра, надо взять это дело на себя. А если, что-нибудь приключится то дальше этим делом будет заниматься УБОРЕВИЧ."

Тов.БЛЮХЕР: Теперь расскажите несколько подробнее о роли ГАМАРНИКА в пораженческой работе на Дальнем Востоке.

Обвиняемый ЯКИР: Я назвал уже ряд линий пораженческой работы: об укрепленных районах - первое, о путях - второе, о вопросах питания на военное время, т.-е. относительно заминки в подвозе целого ряда элементов материального снабжения еще в мирное время и закладки их - третье и по вопросу о людях - четвертое. Причем, о людях, кроме фамилий САНГУРСКОГО, ЛАПИНА, АРОНШТАМА - я не слышал. Я лично для себя представлял дело так, что вся эта группа во главе с ЛАПИНЫМ делает одно дело и что эти люди ведут конкретную работу.

Тов.БЛЮХЕР: Об организованном центре, который ГАМАРНИКОМ был бы оставлен на Дальнем Востоке вы не знали?

Обвиняемый ЯКИР: Судя по тому, как у нас дело обстояло во всех прочих районах Советского Союза /мы все же представители Красной армии и у нас было единоличное

руководство/ я думаю, что там тоже должен был вести эту работу один или два человека, но точно я этого сказать не могу. Я предполагал, что это были САНГУРСКИЙ, ЛАПИН и АРОНШТАМ. Во всяком случае все трое определенно этим делом занимались. Это мне совершенно ясно, но конкретно сказать, как у них там было поставлено дело, — я не могу.

Тов. БЛЮХЕР: Задачи по этой линии шли только через ГАМАРНИКА?

Обвиняемый ЯКИР: Я передавал в свое время указания ТУХАЧЕВСКОГО о том, что на Дальнем Востоке должна быть развернута работа. Я говорил, что при наших разговорах на эту тему, мы считали необходимым развертывание работы на Дальнем Востоке, поскольку в каком то из писем ТРОЦКОГО к ТУХАЧЕВСКОМУ — ТРОЦКИЙ нажимал на то, чтобы развернуть работу на Дальнем Востоке с целью контакта при проведении совместных действий немцев с японцами. Это имеет большое значение.

Тов. БЛЮХЕР: Не было ли вам известно о связи этой Дальневосточной заговорщической группы с представителями японского генерального штаба?

Обвиняемый ЯКИР: Точно — нет.

Тов. БЛЮХЕР: Не было ли вам известно о том, что японскому генеральному штабу были даны какие-нибудь данные о Дальневосточной армии?

Обвиняемый ЯКИР: Мне было известно о том, что ТУХАЧЕВСКИЙ через какую то часть Разведупра, видимо, через отдел внешних сношений, в первую очередь, организовал и предполагал установить связь. Он об этом как то говорил с КАРАХАНОМ. Так, например, он спрашивал КАРАХАНА может ли он в

этом вопросе использовать свои дипломатические связи.

Тов. БЛЮХЕР: По Дальнему Востоку?

Обвиняемый ЯКИР: И по тому, и по другому. ТУХАЧЕВСКИЙ выяснял можно ли связаться в Турции с немецким послом, нельзя ли будет через дипломатические связи КАРАХАНА установить связь с японским атташе или другим человеком. Так, что мне известно совершенно определенно со слов ТУХАЧЕВСКОГО, что информация такая должна была передаваться и, видимо, передавалась.

Тов. БЛЮХЕР: А характера передаваемой информации вы не знаете?

Обвиняемый ЯКИР: Не знаю.

Тов. БЛЮХЕР: И не знаете в Москве это было или на месте?

Обвиняемый ЯКИР: Я вам говорил о том, что передавалась в Москве.

Тов. БЛЮХЕР: ГАМАРНИК по восточной линии вам ничего не рассказывал?

Обвиняемый ЯКИР: Нет.

Тов. БЛЮХЕР: Во всех вопросах, связанных с обороной Дальнего Востока, Уральский военный округ имеет большое значение. На Уральском военном округе сидел лично близкий вам человек. Какие задания вы дали Уральскому военному округу для ослабления обороноспособности и, что Уральский военный округ сделал?

Обвиняемый ЯКИР: Я говорил, что все общие задачи тыловых округов, в том числе и Уральского, заключались в первую очередь, в очень серьезном замедлении подготовки дефицитных специальностей, без которых резервы второй очереди, части и пополнения оказались бы не боеспособными.

Эта работа, как мне известно, выполнялась. Кроме этой работы проводилась еще работа на крупных базисных и прочих складах. Здесь точно сказать, что было сделано на Урале и в Сибири, кроме указанного в моем показании Челябинского аэродрома, я сказать ничего не могу.

Тов. БЛЮХЕР: - О том, что сделано на Урале вы также не знаете?

Подсудимый ЯКИР: - Было проведено замедление подготовки ряда дефицитов.

Т. БЛЮХЕР: - Ведь ГАРЬКАВЫЙ отчитывался о своей работе или нет?

Подсудимый ЯКИР: - Передо мной он не отчитывался. Я уже говорил о нарушении подготовки резервов и тылов в частности специальных дефицитов.

Т. БЛЮХЕР: - Что вы знаете по Сибирскому военному округу, по Забайкалью? По специальным заданиям контр-революционной организации по железным дорогам ДВК? Были ли специальные задания по дорогам в мирное время и в военное время.

Подсудимый ЯКИР: - В военное время нужно было создавать затруднения в доставке продовольствия, материального оснащения и нарушать действия железных дорог.

Т. БЛЮХЕР: - Какая вредительская работа проводилась в направлении на Монголию?

Подсудимый ЯКИР: - Об этой работе я ничего не знаю.

Т.ДЫБЕНКО: - Вы лично, когда конкретно начали проводить шпионскую работу в пользу германского генерального штаба.

Подсудимый ЯКИР: - Этой работы лично непосредственно я не начинал.

Т.ДЫБЕНКО: - Когда вы посещали Германию, вы имели задание?

Подсудимый ЯКИР: - Я посещал Германию в 1929г., когда я учился, тогда отношения СССР с Германией были совершенно другими и никаких заданий тогда я не имел. Я знал точно всю последующую связь, а лично я никакой связи не осуществлял.

Т.ДЫБЕНКО: - В случае провала, вы не устанавливали, чтобы помимо шпионской вредительской работы, заниматься еще провокаторством.

Подсудимый ЯКИР: - Я не понимаю вопроса.

Т.ДЫБЕНКО: - Например, оговорить честного командира.

Подсудимый ЯКИР: - Нет, таких разговоров не было. И, как видно из моих показаний, на что я обращаю внимание Суда, я как раскаивающийся, боюсь других ошибок.

Т.ДЫБЕНКО: - В случае перевода завербованного в вашу шпионскую вредительскую организацию командира из одного округа в другой, давались ли о нем сведения, сообщалась ли ему явка или нет. Допустим такого командира от УБОРЕВИЧА переводила к вам, вы ставились в известность о том, что он завербован в организацию?

Подсудимый ЯКИР: - В этом не было надобности, т.к. мы информировали друг друга. В частности, от УБОРЕВИЧА ко мне никого не переводили. Если появлялся новый человек, считали, что он послан дополнительно.

Т.ДЫБЕНКО: - Например, вам не передавали, что ТИМОШЕНКО был послан специально. Вы таких данных не имели?

Подсудимый ЯКИР: - Нет, не имел. Наоборот, я считал его безусловно честным человеком.

Т.ДЫБЕНКО: - Вы знали о том, что ГАМАРНИК с 1921 года троцкист?

Подсудимый ЯКИР: - Я знал, что ГАМАРНИК с 1921 года был троцкистом.

Т.ДЫБЕНКО: - В 1923 году Михаил Васильевич ФРУНЗЕ приехал в Киев, чтобы сделать доклад на партийной конференции. Кто сделал ему абстракцию - вы или ГАМАРНИК?

Подсудимый ЯКИР: - Абстракцию устроил и мне и ФРУНЗЕ ГОЛУБЕНКО и киевские троцкисты. Возьмите исторические материалы, стенограммы, и вы увидите, что я к этому не имел отношения.

Т.ДЫБЕНКО: - Вы в 1923 году были троцкистом?

Подсудимый ЯКИР: - Нет.

Т.ШАПОШНИКОВ: - ЯКИР, скажите пожалуйста, район Львова и Юг от вызывает затруднения в сосредоточении противной стороны. Почему вами был выбран именно Летичевский район в его ослаблении?

Подсудимый ЯКИР:- Потому что он находится на путях наиболее открытых и доступных для действия крупных войск и потому, что город Новоград-Волынский с другой стороны является тем коридором, по которому пойдут в первую очередь польско-германские войска, потому что они натываются с другой стороны на громадное количество рек в лесистом районе. Поэтому наиболее опасным, наиболее угрожаемым районом является Летичевское направление, потому что меньшее количество пар поездов подавалось бы в районе Львова-Ровно, потому что это самое напряженное направление. Львов выводит прямо на Проскуров, а Проскуров на Летичев.

Т. БЕЛОВ:- Когда, где и кем был завербован ГАВКАВЫЙ?

Подсудимый ЯКИР:- Если бы хотел вам совершенно точно сказать, я вряд ли мог бы это сделать. Я с ним имел первый разговор определенно контрреволюционного характера, вероятно, в самом начале весны 1935 года. Из этого разговора у меня составилось такое впечатление, что он в курсе дела, и мне не надо было втягивать и вербовать его, т.е. он развивал ход моих мыслей. А сказать точно, что мой первый разговор с ним был вербовкой, я не сумею.

Т. БЕЛОВ:- Была ли попытка вербовки ФЕСЕНКО?

Подсудимый ЯКИР:- Никаких попыток вербовать ФЕСЕНКО у меня не было.

Т. БЕЛОВ:- Был завербован ВЕЛИЧЕВ или нет?

9
Подсудимый ЯКИР:- Он был завербован, я с ним имел определенный разговор. Очевидно он был завербован ГАМАРНИКОМ. Во всяком случае я с ним имел разговор контрреволюционного характера и указал об этом в своих показаниях.

Председатель: - Передавали ли вы какие нибудь сведения об укрепленных районах Киевского округа германскому генеральному штабу?

Подсудимый ЯКИР: - Нет. Речь идет о том, что какая то часть Летичевского укрепленного района была передана САБЛИНЫМ.

Председатель: - Когда вы намечали перестройку укрепленных районов, вы были врагом?

Подсудимый ЯКИР: - Нет, я ее намечал самым добросовестным образом. Я докладывал, что там могут быть ошибки, но укрепление районов вообще с севера и до юга проделано в пределах самых больших тактических понятий.

Председатель: - В чем именно конкретно выразилось вредительство по полевым аэродромам?

Подсудимый ЯКИР: - В ограничении. Мы сознательно не расширяли полевых аэродромов.

Председатель: - Вы это сознательно делали?

Подсудимый ЯКИР: - Нет, мы этого сознательно не решали, но делали мы аэродромы не одинакового размера, а потом сознательно задерживали строительство их и не расширяли.

Председатель: - Вы показывали об УРИЦКОМ. Вы писали в своих показаниях, что им, примерно, сказано Вам следующее: (зачитывает выдержку из показаний ЯКИРА). В этих же показаниях вы писали, что УРИЦКИЙ с вами был в хороших отношениях.

Подсудимый ЯКИР: - Я говорил о том, что несколько раз мы с УБОРЕВИЧЕМ у него бывали. Я его не называю участником заговора, а излагаю, как обстояло дело. Он ухаживал за нами, да и не за одними нами. У нас происходили разговоры, в которых он подчас очень густо изображал положение вещей в германской армии, т.-е. несколько переоценивал ее, за исключением вопроса о воздушных силах, которые недооценивал. Мы при нем разговаривали, разговоры носили такой характер, что казалось бы он должен видеть и чувствовать и понять их антисоветский характер. В то же время я сказал, что я его не вербовал и является ли он членом организации я сказать не могу.

Тов. КАШИРИН: - Подсудимый ЯКИР, в декабре 1936 года была оперативная игра в Киевском военном округе. На эту игру был приглашен и начсостав трех округов: Киевского, Харьковского и Северо-Кавказского. Там для армии была создана чрезвычайно сложная обстановка; в левый фланг продвинулась и угрожала, скажем Румыния, и на остальном фронте армии была создана сложная обстановка. Я принял решение о том, чтобы отвести армию из этого положения, и была возможность это сделать. Вы мне написали записку, что если бы это дело было на действительной войне, то такое решение было бы правильно, но так как мы находимся на игре, то нужно приучать начальствующий состав и к другим положениям. Сейчас у меня возникает вопрос - являлось ли такое проведение игры известной формой, которая

сознательно воспитывала высший начсостав нашей армии для будущего поражения. Не было ли тут вредительства?

Подсудимый ЯКИР: - Нет, я рекомендую и впредь создавать очень сложные обстановки в игре. Что касается записки (которую я не помню) то, видимо, она касалась учебного разговора. На этой игре, по моему, все было продумано и сделано, как полагается.

Тов.КАШИРИН: - На разборе, в результате этой игры, вы, в качестве людей, которые хорошо играли, выдвинули двоих - ЦВЕТКОВА и ИОРДАНОВА, которые впоследствии оказались врагами народа. Являлось ли это дело случайным, или вы их сознательно выдвинули, как известных вам контр-революционеров, участников заговора.

Подсудимый ЯКИР: - Я ничего о их контр-революционной работе не знал. Выдвигал их по работе, благодаря вашей хорошей аттестации. Кроме того, это были новые люди, гости, и нужно было о них говорить лучше. Только из этих соображений я дал хорошую оценку работе штаба и этих людей.

Тов.КАШИРИН: - Был вами завербован БЕРЕЗКИН, - бывший пом. по политической части у т.АЛЕКСИСА.

Подсудимый ЯКИР: - Нет.

Тов.БУДЕННЫЙ: - Что вам известно по Белорусскому военному округу, в каких укрепленных районах там имеется вредительство, как в Летичевском?

Подсудимый ЯКИР: - Точно я не могу сказать. Мы имели информацию о том, что ведется аналогичная работа

в Минском районе, но в виде фразы было сказано о том, что аналогичная работа будет вестись в Минском направлении. Я в своих показаниях написал о Минске и Полоцке, как укрепленных районах, но главное внимание уделялось Минскому направлению.

Тов. БУДЕННЫЙ:- Еще вопрос по Дальнему Востоку: Кто намечался вместо БЛЮХЕРА и какие меры и когда принимались ГАМАРНИКОМ, чтобы БЛЮХЕР был снят.

Подсудимый ЯКИР:- Есть доказательство совершенно определенное и в протоколе я об этом показывал, что за весь период моего нахождения на враждебных позициях, я не поддерживал травли против БЛЮХЕРА, свидетелем чего может быть сам БЛЮХЕР и целый ряд других лиц. Но когда стоял вопрос о том, что, якобы, на Дальнем Востоке больше неполадки, что критика БЛЮХЕРА доведена до такого состояния, что создалось нехорошее положение, УБОРЕВИЧ пришел к Наркому и попросил отправить его на Дальний Восток. Я знаю, что он это сделал из двух соображений: УБОРЕВИЧ не хотел оставлять Белорусского округа; когда он был назначен в Москву нач-ком одного из центральных управлений, то решил, что если уж уходить, то на ответственный театр, где можно вести работу. Он мне и ТУХАЧЕВСКОМУ рассказал, что такая инициатива с его стороны была проявлена и такой вопрос он ставил перед Наркомом.

(Председатель объявляет перерыв на 15 минут)

Тов.УЛЬРИХ: Заседание продолжается.

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ, вы подтверждаете все данные вами на предварительном следствии показания?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: Да.

Тов.УЛЬРИХ: Скажите, в каком году и в связи с чем Вы вступили в антисоветскую организацию и впоследствии стали во главе этой организации?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: Вступление в организацию заговора я отношу к 1932 году. До этого времени у меня были отдельные связи с антипартийными и антисоветскими элементами, но в антисоветской организации я не состоял.

Со времени гражданской войны я считал своим долгом работать на пользу советского государства, был верным членом партии, но у меня были определенные, я бы не сказал политические колебания, а колебания личного, персонального порядка, связанные с моим служебным положением.

Между прочим, я всегда, во всех случаях выступал против ТРОЦКОГО, когда бывала дискуссия, точно так же выступал против правых. Я, будучи начальником штаба РККА, когда была комиссия РЫКОВА, в этой комиссии всегда отстаивал максимальное капиталовложение в дело военной промышленности и т.д. Так что я на правых позициях не стоял.

И в дальнейшем, находясь в Ленинградском военном округе, я всегда отстаивал максимальное развитие Красной армии, ее техническое развитие, ее реконструкцию, развитие ее частей, а все это связано с развитием промышленности

и т.д. Но вместе с тем, недовольство руководством армии меня толкало на беспринципные связи, а в дальнейшем и на связи с антисоветскими элементами.

С ЕНУКИДЗЕ у меня был разговор в 1928 году. Он говорил о том, что политика правых верна, а генеральная линия партии неверна. В 1930 году ЕНУКИДЗЕ со мной говорил о том, что победа генеральной линии партии еще не решена, что правые ушли в подполье и будут нелегально бороться за свои позиции.

Вместе с тем, будучи командующим войсками Ленинградского военного округа, я связался с целым рядом участников, т.н. толмачевской оппозиции, хотя я по своему складу не разделял точки зрения толмачевцев.

Наконец, когда в 1932 году РОММ привез мне предложение ТРОЦКОГО собирать троцкистские кадры, я согласился на это. Таким образом я считаю начало организации нашего военного заговора с 1932 года.

тов. УЛЬРИХ: Вы утверждаете, что к антисоветской деятельности примкнули с 1932 года. А Ваша шпионская деятельность - ее вы не считаете антисоветской? Она началась гораздо раньше.

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: Я не знаю можно ли было считать ее шпионской. Я сообщал фон ЦОЛЛЕРУ данные об организации нашей дивизии, об организации войск, о дислокации войск в пограничных округах, все это является вопросами секретными, о которых я не имел права сообщать. Но, вместе с тем, все эти данные не являются сугубо секрет-

НЫМИ.

Например, дислокацию войск за границей можно купить в магазине. Повторяю, я разгласил военную тайну и поэтому это можно квалифицировать, как шпионскую деятельность, но по существу это началось с 1932 года.

Председатель: В показаниях, данных Вами на предварительном следствии, записано следующее:
(Зачитываются показания).

Таким образом, выходит, что еще в 1925-26 г.г. Вы были связаны с агентами германской и польской разведок, т.е. тогда, когда Вы еще не являлись руководителем организации.

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: Эту мою деятельность надо квалифицировать, как действия в пользу разведок германского и польского военных штабов. Я повторяю, это никак не умаляет моей вины в антигосударственных поступках, но я просто хочу об'яснить здесь развитие этого дела.

Председатель: Я хочу выяснить все о Вашей антисоветской контр-революционной деятельности. Еще в 1925 году Вы были связаны с ЦОЛЛЕРОМ и ДОМБАЛЕМ и были одновременно агентом и польской и германской разведок. Ведь Вы же знали, что имеете дело не с просто любопытным, а с офицером иностранной разведки.

Обвиняемый ТУХАЧЕВСКИЙ: Совершенно правильно. Я повторяю, что не хочу смягчить свои показания. Я только хочу об'яснить, что в то время у нас с немцами завязывались

тесные отношения. У нас был один общий противник - Польша, в этом смысле были и в дальнейшем, как я уже говорил, разговоры с генералом АДАМС. С генералом АДАМС мы говорили о наших общих задачах в войне против Польши, при этом германскими офицерами вспоминался опыт 1920 года, говорилось что германское правительство тогда не выступило против Польши.

Я опять повторяю, что это можно квалифицировать и должно квалифицировать как шпионскую деятельность.

Председательствующий тов. УЛЬРИХ: Ваше заявление о том, что у Вас был один противник - Польша, опровергается Вашим же заявлением о том, что Вы одновременно были связаны с германскими офицерами и с польским офицером-шпионом ДОМБАЛЕМ.

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: Я не знал, что ДОМБАЛЬ - польский шпион. ДОМБАЛЬ был принят в Советский Союз как член парламента, который выступал за поражение польской армии и за призыв в Красную армию при вступлении ее в Варшаву. Под этим углом зрения было и мое знакомство с ним и встречи. Я знал его как члена ЦК польской ком. партии. О шпионской деятельности его я не знал, но так или иначе, я не имел никакого права ему сообщать эти секретные данные. Так как он оказался польским шпионом, то я несу полную ответственность, как за участие в шпионаже в пользу Польши.

Председательствующий тов.УЛЬРИХ: Это было еще в период 1926 года, а в период с 1926 по 1932 год Вы разве не были связаны с отдельными офицерами германской армии?

✓ Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: В 1931 году при приезде генерала АДАМСА в г.Москву, его сопровождал офицер НИККЕЛЬБЕРГ. На банкете, который был устроен в честь генерала АДАМСА, я имел разговор с НИККЕЛЬБЕРГОМ (потом к нам присоединился генерал АДАМС) о том, что у нас завязываются тесные отношения с генеральным штабом, что Польша является нашим общим противником и что необходимо установить более близкие отношения. Я с этим соглашался.

В 1932 году, когда я был в Германии на маневрах, генерал АДАМС возобновил разговор на эти темы. Он говорил о том, что нам нужно основательно готовиться к войне с Польшей, что Польша противник серьезный. Я сообщил, что мы готовимся серьезно, что развернуто 150 дивизий и из этого он может видеть насколько серьезной является наша подготовка.

Председательствующий тов.УЛЬРИХ: А во время посещения СССР генералом БОКЕРБЕРГОМ, вы ему сообщили какие нибудь сведения?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: В 1933 году генералу БОКЕРБЕРГУ было разрешено посетить ряд наших артиллерийских и авиационных заводов. Насколько помню, это были 8-й авиационный завод, Тульский оружейный завод и 1-й артиллерийский завод. Хотя я не имел никакого права, но сообщил генералу БОКЕРБЕРГУ при посещении им этих заводов об их производительности.

Председательствующий тов. УЛЬРИХ: А с 1926 по 1930 год, Вы передавали соответствующую информацию германскому штабу?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: После того, как я был на маневрах, я ни с кем не встречался.

Председательствующий тов. УЛЬРИХ: Следовательно, первый раз Вы передали информацию германскому генеральному штабу в 1925-1926 г.?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: Да.

Председательствующий тов. УЛЬРИХ: Затем связь восстановилась с генералом АДАМСОМ - начальником генерального штаба в 1930-1931-1932 г.г.?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: В 1931 году во время приезда генерала АДАМСА в Москву и в 1932 Году во время маневров в Германии.

Председательствующий тов. УЛЬРИХ: В этот период времени, до 1932 года, т.е. до организации центра, который сейчас является предметом обсуждения, Вы были связаны с германским генеральным штабом и через ДОМБАЛЯ с польской разведкой?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: Это было в порядке персо-

нальных встреч.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какие цели Вы преследовали, информируя германских офицеров о мероприятиях Красной армии?

ТУХАЧЕВСКИЙ: Это вытекало из наших разговоров о совместных задачах по поражению Польши. До прихода ГИТЛЕРА к власти у нас были тесные отношения с германским генеральным штабом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы говорите, что с 1925 г. являлись агентом германской разведки. Если Вы передавали сведения германскому генеральному штабу в порядке тесных взаимоотношений между штабами армии СССР и Германии, то на это Вы должны были иметь соответствующее разрешение высших правительственных органов. Это нечто иное, чем Вы сейчас показываете.

ТУХАЧЕВСКИЙ: В моих показаниях указано, что я сообщил секретные данные фон-ЦЮЛЛЕРУ, которых не имел права ему сообщать. Об этом я никого не ставил в известность.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Как организован был центр военной организации, по чьей директиве и какие задачи этот центр ставил?

ТУХАЧЕВСКИЙ: Центр составил, развиваясь одновременно. В центр входили помимо меня - ГАМАРНИК, КАМЕНЕВ С.С., УБОРЕВИЧ, ЯКИР, ФЕЛЬДМАН, ЭЙДЕМАН, затем ПРИМАКОВ и КОРК. Центр не выбирался, но названная группа наиболее часто встречалась.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: С какого года принимал участие в этом центре ГАМАРНИК?

ТУХАЧЕВСКИЙ: с 1934 года.

ВОПРОС: Чем Вы объясняете, что в Ваших показаниях

фамилия ГАМАРНИКА сначала не упоминалась?

ТУХАЧЕВСКИЙ: Я сначала не все показывал следствию, о чем я сказал. В дальнейшем я показал все.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Значит в разное время в состав центра входили: ГАМАРНИК, КАМЕНЕВ с какого года?

ТУХАЧЕВСКИЙ: КАМЕНЕВ С.С. с 1933 г., ФЕЛЬДМАН с 1932 г., ЭЙДЕМАН с 1932-1933 г.г., примерно с этого же времени КОРК, ЯКИР с 1934 г., УБОРЕВИЧ и ГАМАРНИК также с 1934 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какие были взаимоотношения внутри центра между Вами и ГАМАРНИКОМ? Вы считались руководителем?

ТУХАЧЕВСКИЙ: Я был по западным делам, ГАМАРНИК - по восточным.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Значит Вы были руководителем организации по западному театру военных действий. Но кто чей признавал авторитет? Вы ГАМАРНИКА или ГАМАРНИК Ваш?

ТУХАЧЕВСКИЙ: Я бы сказал, что здесь было как бы двоецентрие.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы считаете себя руководителем центра? Это проходит красной нитью по всем показаниям.

ТУХАЧЕВСКИЙ: ГАМАРНИК вступил в центр позже, но авторитет его был выше, чем у меня. Затем, когда вступили в организацию ЯКИР и УБОРЕВИЧ, ЯКИР был тесно связан с ГАМАРНИКОМ и роль ГАМАРНИКА выросла. Дело сложилось таким образом: я бы не сказал, что ГАМАРНИК был только по восточным делам, он ведал и финансовыми вопросами и строительством. Когда КАМЕНЕВ С.С. был назначен начальником ПВО, он ведал всем хозяйством и проводил работу по всем этим линиям. В частности вредительскую работу ГАМАРНИКА по части финансов я бы охарактеризовал таким образом, что под флагом проведения

финансовой дисциплины ГАМАРНИК вел такую политику, что каждый раз к концу года у нас оставались сотни миллионов рублей по неиспользованным заказам. Это делалось, конечно, умышленно. Естественно, что нужно было поставить вопрос о разрешении перестановки статей и параграфов расхода. ГАМАРНИК этого никогда не допускал и таким образом у нас оставались колоссальные неиспользованные кредиты (по линии утверждения смет, утверждения проектов и постановки санитарно-технической части для казарменного строительства, строительных материалов и т.д.).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какие задачи ставил перед собой центр в период 1932-33 г.г. и какие директивы получались центром, от кого именно?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: Прежде всего до создания центра заговора у меня были установленные отношения с ЕНУКИДЗЕ, который говорил, что правые уйдут в подполье, что военные должны держать связь с ним, который будет являться связующим элементом между правыми и мной. Затем в 1932 Году был прислан от ТРОЦКОГО РОММ, это было приблизительно в августе или сентябре месяце.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что он Вам сказал?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: РОММ передал мне от имени ТРОЦКОГО, чтобы я занялся организацией и собиранием троцкистских кадров в армии. Так как начало уже было мною положено, я дал свое согласие. Я полагал, что можно вовлечь значительное количество военных командиров и выполнить директиву ТРОЦКОГО. В дальнейшем, в 1933-34 г.г. (я точно

в date не уверен) РОММ передал мне установку ТРОЦКОГО о том, что приход ГИТЛЕРА к власти нам нужно расценивать, как благоприятный фактор и нужно принять все меры к укреплению фашистской власти в Германии.

Должен добавить, что еще в 1932 году РОММ передавал мне, что ТРОЦКИЙ рассчитывает на приход ГИТЛЕРА к власти и уверен, что ГИТЛЕР поддержит его, ТРОЦКОГО, благодаря чему можно рассчитывать на свержение Соввласти. Затем в 1933-34 г.г. РОММ подтвердил мне, что фашизм поддерживает ТРОЦКОГО, а посему последний требует активизации нашей работы, особенно в области организации вредительства и террористической деятельности в армии.

Около этого времени в 1933-34 г.г. я втянул в заговор ПРИМАКОВА...

Тов. УЛЬРИХ-...не его одного, а со всей его группой.

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: ...я говорю о ПРИМАКОВЕ. Он сообщил, что связан с ПЯТАКОВЫМ, который является руководителем троцкистского центра в Москве. После этого я лично связался с ПЯТАКОВЫМ.

Вопрос тов. УЛЬРИХА: Вы лично связались?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: Да. Затем в 1935-36 г. ПЯТАКОВ передавал мне о намечающемся плане решительного наступления немецкой армии, которое будет связано с потерей для СССР Украины и Приморья. Подтвердил директивы ТРОЦКОГО от 1935 г., изложенные в письме СЕДОВА, и в устной форме ПУТНА. ТРОЦКИЙ тогда ставил передо мной задачу активизировать елико возможно работу. Наконец, ПУТНА организовал мне встречу с СЕДОВЫМ в 1936 году.

В соответствии с установками ТРОЦКОГО о том, что нужно установить связь с германским генеральным штабом, я в Лондоне в 1936 г. вел разговор с генералом германского генерального штаба РУМШТЕДТ. Он мне передал, что ему известно, что я возглавляю заговор и, что он имеет поручение поговорить со мной. Я сказал, что действительно заговор существует и что я его возглавляю и поставил вопрос РУМШТЕДТУ, где будут выступать главные германские армии, сославшись на директиву ТРОЦКОГО об организации поражения там, где будут действовать германские армии. Далее я спросил РУМШТЕДТА, когда нужно ждать интервенции. Он сказал, что где будут основные германские силы, он не знает, но поражение надо подготовить на Украине. О начале интервенции РУМШТЕДТ сказал мне, что это вопрос такой, на который трудно ответить: предполагалось начать войну в 1937 году, но трудности формирования рейхсвера слишком велики, чтобы начать выступление Германии в 1937 году. В развитие этого задания ТРОЦКОГО и РУМШТЕДТА, после военной игры в апреле 1936 года, между ЯКИРОМ, УБОРЕВИЧЕМ и мною состоялось обстоятельное обсуждение плана поражения. Правда, еще до этого, в 1935 году, между указанной тройкой были разговоры об оперативном вредительстве, но в законченной форме они были выработаны именно в этот срок, т.е. весной 1936 года. ЯКИР и УБОРЕВИЧ получили от меня задание проработать этот вопрос конкретно, так как я должен был сообщить об этом генералу КЕСТРИНГУ - военному атташе в Москве для окончательного согласования.

В связи с арестами в июле месяце 1936 года, центр решил временно свернуть работу и, поэтому, оперативные разработки не были закончены по настоящему, а мой разговор с генералом КЕСТРИНГОМ не состоялся.

Вы разрешите мне давать показания или отвечать только на Ваши вопросы?

ВОПРОС: Вы дошли до 1936 года. Скажите, какие были у Вас взаимоотношения с правыми, с антисоветской группой БУХАРИНА-РЫКОВА, была-ли у Вас с ними договоренность?

Обвиняемый ТУХАЧЕВСКИЙ: Через ГОРБАЧЕВА я узнал о том, что готовится "дворцовый переворот". Это было, когда он вернулся с Дальнего Востока, следовательно, в 1933 году, как будто на сессии ЦИК. После этого я пошел к ЕНУКИДЗЕ и спросил, что означает этот заговор. Он сказал, что уже дал задание о том, чтобы меня информировали по этому делу, т.е. о том, что военными работниками, в частности КОРКОМ, ГОРБАЧЕВЫМ, ПЕТЕРСОНОМ готовится правительственный переворот в Кремле. После этого я разговаривал подробно об этом деле с КОРКОМ. В 1935 году, когда рассматривался вопрос об исключении ЕНУКИДЗЕ из партии, ЕНУКИДЗЕ сказал мне, что его дело, вероятно, сильно отразится на подготовке "дворцового переворота", но подготовка будет продолжаться, потому что с ним связана верхушка ГПУ. После этого мне с ЕНУКИДЗЕ говорить не приходилось.

С БУХАРИНЫМ пришлось мне говорить в 1933 году, когда он был болен. Он в это время руководил отделом по научным учреждениям Наркомтяжпрома. На квартиру к БУХАРИНУ мне пришлось пойти с инженером ПОПОВЫМ.

После того, как БУХАРИН окончил разговор с ПОПОВЫМ и простился с ним, он меня задержал за руку и стал говорить о том, что политика СТАЛИНА безрассудная, что необходимо организовать работу правых и в частности, работу в Красной армии, о которой он знает. Разговор этот был короткий, потому что ПОПОВ остановился в дверях. Затем между нами был разговор в 1934 году в здании ЦК. БУХАРИН сказал мне, что дела в Кремле идут хорошо и нужно, чтобы армия тоже была готова на это дело. Я сказал, что мы примем меры для выполнения этого задания.

С РЫКОВЫМ у меня разговоров никаких не было.

Председательствующий тов. УЛЬРИХ: БУХАРИН беседовал с Вами, как с руководителем военной организации?

Обвиняемый ТУХАЧЕВСКИЙ: Да.

Председательствующий тов. УЛЬРИХ: Кто персонально из подсудимых по данному делу был связан с организацией и планом заговора в Кремле?

Обвиняемый ТУХАЧЕВСКИЙ: ГОРБАЧЕВ и КОРК.

Председательствующий тов. УЛЬРИХ: Вы были в курсе дела и одобряли это? В Вашем присутствии разрабатывался конкретный план?

Обвиняемый ТУХАЧЕВСКИЙ: Нет, мне КОРК только докла-

дывал, причем, КОРН считает, что он сообщал мне об этом до 1934 года, но я этого дела по всей вероятности тогда не уловил. Я понял об этом только из разговора с ГОРБАЧЕВЫМ в конце 1933 года.

Председательствующий тов.УЛЬРИХ: Что предпринято Вашим центром, Вами лично или лицами, связанными с Вами, по подготовке террористических актов?

Обвиняемый ТУХАЧЕВСКИЙ: ПРИМАКОВ в 1933-34 г., когда я вовлек его в организацию, говорил мне, что ТУРОВСКИЙ вместе со ШМИДТОМ готовит на Украине террористический акт против ВОРОШИЛОВА. В 1935 году ПРИМАКОВ сообщил, что в Ленинграде он готовит террористическую группу против членов партии и правительства, в первую очередь против ВОРОШИЛОВА. Наконец, "дворцовый переворот" можно считать также террористической организацией.

Председательствующий тов.УЛЬРИХ: Ваша связь с немцами продолжалась до самого последнего времени. С кем персонально был согласован пораженческий план Красной армии?

Обвиняемый ТУХАЧЕВСКИЙ: С РУМШТЕДТОМ. Он поставил эту задачу.

Председательствующий тов.УЛЬРИХ: РУМШТЕДТ с Вами беседовал, как с руководителем военного заговора. Между Вами не было условностей в разговоре?

Обвиняемый ТУХАЧЕВСКИЙ: Он разговаривал со мной, как с руководителем военного заговора. Это происходило в Лондоне, где РУМШТЕДТ сказал мне, что дальнейшую работу нужно связывать с генералом КЕСТРИНГОМ. Но задачи этой я не окончил, так как начались аресты, и разговор с КЕСТРИНГОМ не состоялся, хотя я должен был разговаривать с ним.

Все члены центра обо всем этом знали.

Председательствующий тов. УЛЬРИХ: Кто из названных Вами членов центра принимал непосредственное участие в заговоре до мая месяца, кроме Вас?

Обвиняемый ТУХАЧЕВСКИЙ: По моему все, кроме арестованного ПРИМАКОВА и ПУТНА. Вторая половина 1936 года и первая половина 1937 года прошли под знаком прятания своих концов, за исключением Дальнего Востока, куда ГАМАРНИК ездил в 1936 году осенью, где были ЛАШИН и АРОНШТАМ.

Председательствующий тов. УЛЬРИХ: Кто был непосредственным представителем Вашей организации на Дальнем Востоке и кто возглавлял там группу - АРОНШТАМ, ЛАШИН или САНГУРСКИЙ?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: Я, между прочим, о САНГУРСКОМ не знал. У меня даже было впечатление, что САНГУР-

СКИЙ является сторонником БЛЮХЕРА. По крайней мере, в разговорах со мной САНГУРСКИЙ очень усиленно боролся с теми установками, которые проводили ЛАПИН, ПУТНА и т.д.

Дело в том, что ЛАПИН развил теорию, что раз этот театр войны горнотаежный, то там...

Председательствующий тов.УЛЬРИХ: ... Меня интересует не это. Меня интересует - кто по дальневосточной линии был старшим?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: ГАМАРНИК.

Председательствующий тов.УЛЬРИХ: Вы непосредственно беседовали по этим делам с ГАМАРНИКОМ до 1937 года?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: Да, дело в том, что я лично этот театр войны плохо знаю, потому что был в этом смысле не активным человеком. ГАМАРНИК знает Дальний Восток очень хорошо. Кроме того он был связан с ЛАПИНЫМ.

О САНГУРСКОМ я ничего не знаю. О нем у меня создается впечатление, что, наоборот, он ведет линию против ЛАПИНА. Но, может быть, я ошибаюсь.

Председательствующий тов.УЛЬРИХ: Подсудимый КОРК в своих показаниях сказал, что во время Вашей поездки за границу Вы имели встречу с ГЕРИНГОМ.

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: Нет, это неверно. С ГЕРИНГОМ я не встречался. КОРК, вероятно, перепутал.

Тов.УЛЬРИХ. Подсудимый КОРК, ваши показания о личной встрече ТУХАЧЕВСКОГО с ГЕРИНГОМ основаны на словах ТУХАЧЕВСКОГО?

Подсудимый КОРК: На словах ТУХАЧЕВСКОГО. Может быть, я, действительно, фамилию спутал. Но то, что встреча была и что ТУХАЧЕВСКИЙ беседовал по поводу действий нашей организации с германскими генералами - это я помню хорошо.

Т.УЛЬРИХ. /обращаясь к подсудимому ТУХАЧЕВСКОМУ/. Вы подтверждаете сущность этого разговора?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ. Да.

Т.УЛЬРИХ. Еще один уточняющий вопрос: в период существования этого центра - с 1932 по 1937 г., по день вашего ареста, кроме перечисленных вами фамилий, с кем еще вам приходилось встречаться и беседовать на антисоветские темы?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: Из немцев.

Т.УЛЬРИХ: Из иностранных разведчиков или офицеров.

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: Только с КЕСТРИНГОМ. КЕСТРИНГ мне сказал на одном из приемов в Москве, что он очень рад, что ПУТНА поддерживает хорошие отношения с немцами. Я сказал ему, что это делается по моему указанию. Кроме этого разговора, никаких связей не было.

Основные шпионские данные центр передавал при официальных встречах.

Т.УЛЬРИХ. Но через ПУТНА вы передавали?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: Да, ПУТНА бывал за границей и имел эти возможности.

т.УЛЬРИХ: Вам известно, что ПУТНА передавал информацию офицерам германского генерального штаба?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ. Да.

т.УЛЬРИХ. Подсудимый ПУТНА, Вы подтверждаете эти показания?

Подсудимый ПУТНА: Я подтверждаю свои показания в этой части. Это было выполнено по прямому поручению ТУХАЧЕВСКОГО.

т.УЛЬРИХ. С кем из офицеров германского штаба вы имели связи по этому вопросу?

Подсудимый ПУТНА: Этот офицер официально являлся журналистом в Лондоне.

т.УЛЬРИХ. Я спрашиваю, как его фамилия?

Подсудимый ПУТНА: Капитан ЗАЛЬЦМАН.

т.УЛЬРИХ. К какому году это относится?

Подсудимый ПУТНА: К 1936 году.

т.УЛЬРИХ. Садитесь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ тов.УЛЬРИХ: А с представителем польской разведки в последние годы вам не приходилось встречаться?

Обвиняемый ТУХАЧЕВСКИЙ: Нет. Можно ли мне дополнить еще мои показания?

Председательствующий тов.УЛЬРИХ: Пожалуйста.

Обвиняемый ТУХАЧЕВСКИЙ: Я хотел бы дополнить по некоторым основным вопросам вредительства.

Председательствующий тов.УЛЬРИХ: У меня еще вопрос. Кто и по чьему заданию передал польской разведке некоторые данные по Летичевскому району.

Обвиняемый ТУХАЧЕВСКИЙ: Я лично.

Председательствующий тов.УЛЬРИХ: Пожалуйста добавьте, что вы хотели.

Обвиняемый ТУХАЧЕВСКИЙ: Я хотел бы обратить внимание на то, что вопросы поражения армии возникли из тех, или лучше сказать, приспособлялись к тем трудностям, которые вставали на Западной границе. Дело в том, что наш оперативный план недостаточно оценивает силы Германии и Польши. Раньше мы теми самыми силами, которые и имелись до последнего времени в нашем оперативном плане, собирались покончить с польской армией на польской территории, выполняя установку бить противника на его территории и что этих наших сил являлось достаточно. Но с того момента, как Гитлер пришел к власти, обстановка переменилась. Правда с трудом верилось, что немцы пошли бы на Польшу. В военных играх, которые проводил германский штаб в 1936-37 г.г., германцы участвовали активно на польской территории.

В этих условиях, если подсчитать силы немцев из расчета развертывания по мобилизации не 36 дивизий, то у них подготовка будет несомненно закончена в этом году и они смогут выставить на польском театре крупные силы численностью не менее 60-61 дивизий.

у польско-германского блока получается сил больше чем мы имеем, для того, чтобы этот блок разбить. Я полагаю поэтому /председатель перебивает/.

Председательствующий тов.УЛЬРИХ: Вы держитесь ближе к тому вопросу, о котором вы хотели говорить?

Обвиняемый ТУХАЧЕВСКИЙ: Отсюда вытекает то, что наш Белорусский фронт, который должен преодолевать очень узкий коридор между Латвией и Литвой с севера и чисто болотистого Полесья с юга и иметь силы/ председатель прерывает/.

Председательствующий тов.УЛЬРИХ: Держитесь ближе к теме.

Обвиняемый ТУХАЧЕВСКИЙ: Белорусский фронт становится в очень тяжелое положение, когда он подойдет к этнографической границе с Польшей. Поэтому безусловно можно сказать, что сил, для того чтобы разбить противника, у нас недостаточно. Следовательно, в этих условиях создается положение, когда даже отдельные вредительские действия, скажем, у отдельных командующих, также могут расстроить все дело. Если же в этом деле было организованное вредительство, то поражение могло бы быть чрезвычайно серьезное. В частности, скажем, при движении Белорусского фронта, стоило ему выставить недостаточные силы в сторону Пруссии, он получил бы опасный удар во фланги в тыл. Если же к этому еще прибавить, что Белорусский фронт вытягивается в очень узкую полосу, что

авиацию трудно использовать, то при таких условиях преимущества в организации тыла и авиации находятся на стороне противника. Таким образом, положение Белорусского фронта может сказаться очень тяжелым. К этому нужно еще прибавить то, что нами намечались вредительские мероприятия - подготовка и подрыв железно-дорожных мостов на Березине и Днепре и там, где по обстановке это окажется более важным. Эти задачи по Белорусскому округу были поставлены перед АШПОГОЙ и УБОРЕВИЧЕМ.

Украинский фронт: в случае, если немцы, захватят Летичевский укрепленный район, то продвигаясь в тыл, они смогли бы захватить Жмеринский и Волынский укрепленные районы, оккупируя Правобережье, и направить часть своих сил в Жлобин и в глубокий тыл Белорусского фронта.

Эти вопросы и должны были разработать УБОРЕВИЧ и ЯКИР в своих штабах. Что они по этому вопросу сделали, я не сумею сказать, потому что мы затормозили эту работу.

Нужно сказать что недостаток вооруженных сил, недостаток стрелковых дивизий, о чем я говорил - не случайное дело.

Центр поставил такой вопрос перед АЛАФУЗО, который втянул в организационную работу и САТИНА. Центр поставил перед ними задачу задержать развитие численности стрелковых дивизий РККА. Потребность в стрелковых

дивизиях была очень большая, не менее 200 дивизий. Под видом трудностей, с накоплением материальной части, строительством и т.д., организация задерживала развитие численности дивизий и этим поставила Красную армию в тяжелом положении.

Это я считаю одним из самых больших актов вредительства, которое проделала наша организация.

Кроме того, нами проводилось задержание развития артиллерийских резервов главного командования и танковых резервов главного командования. Все танки были включены в дивизии, но танков, которые можно было бы сразу двинуть - у главного командования было недостаточно.

По линии артиллерийской было дано аналогичное задание ОЛЬШЕВСКОМУ и ЖЕЛЕЗНЯКОВУ. Они проводили работу в области противопожарной системы. Так, например, склады не оборудовались в противопожарном отношении, а это является чрезвычайно важным, ибо как показал опыт, снаряды взрываются от частых пожаров. Задерживалась механизация погрузочно-разгрузочных работ и постройка под"ездных путей к огне-хранилищам.

По заданию центра, ЕФИМОВ сокращал нормы огне-припасов, которые нужны были для подготовки артеллеристов. Нужно сказать, что артеллеристы у нас молодые, стрелять им нужно много и снарядов нужно много. У нас имеется для этого большое количество снарядов, но АППОГА всегда находил доводы, к тому, чтобы задержать отпуск снарядов

для этой весьма важной цели.

Нами была замедлена работа по дистанционным взрывателям. Затем, в контакте с мобилизационными работниками ЭРМАНом и КРАЖЕВСКИМ, ЕФИМОВ проводил работу по замедлению подготовки мобилизации промышленности.

Дело в том, что мобилизация промышленности может быстро осуществляться только в том случае, если в мирное время будет проводиться большая работа, требующая много времени и большой затраты средств.

Эта работа заключается в подготовке чертежей.

По артиллерии проводился ряд других вредительских мероприятий. Кроме того перед ЕФИМОВЫМ и ОЛЬШЕВСКИМ была поставлена задача по подготовке диверсионных актов на крупнейших артскладах ко времени об"явления войны.

По линии химического управления работа проводилась РОХИНСОНом и завербованным им ГЕНДЛЕРом, затем ЯНЕЛЕМ. По договоренности с РАТАЙЧАКОМ они проводили замедление в развитии мышьяка и т.д. Затем они задерживали производство высококачественного активированного угля, высококачественных химических поглотителей, не дорабатывали вопроса с длительным хранением химвзрывеществ. Дальше, по линии военных сообщений АППОГА дал задание проводить работу по созданию путаницы в оперативных перевозках, по подготовке диверсионных актов. Проводилась работа по замедлению реконструкции жел.дор. узлов на фронтовой полосе и по замедлению автоблокировки железных дорог, которые

ведут к пограничным театрам. Эту работу АППОГА проводил вместе с работниками НКПС.

Помимо того, АППОГА сообщил с моего согласия данные о стратегических перевозках РККА германскому и японскому генеральным штабам. Это известно мне со слов АППО-ГИ. Затем БЕЛЬДМАН сообщил немцам данные о командном составе армии. ЭЙДЕМАН - по подготовке пилотов по линии Осовиахима. ЕФИМОВ передал КЕСТРИНГУ также данные о количестве огнеприпасов в РККА.

По линии инженерной вредительские работы проводил МАКСИМОВ в центральном аппарате.

Задерживалась механизация в войсковых саперных частях. По линии воздушных сил мною был завербован НАУМОВ, быв. заместитель АЛКСНИСА, и ЛАПИН. Они подготовляли материалы для плана обучения летных частей, таким образом чтобы исключалась необходимая последовательность в изучении, что вело к излишним авариям и катастрофам.

ЛАПИН на Дальнем Востоке замедлял проведение в жизнь сменных экипажей на самолетах. В ДВК аэродромы стоят близко от границ и дежурства необходимы.

Участник организации ХРУСТАЛЕВ в управлении воздушных сил замедлял парашютно-десантное дело в области материальной подготовки этого вопроса.

По линии боевой подготовки большую вредительскую работу провел ВАСИЛЕНКО - бывший инспектором пехоты.

Он взял курс не на боевую стрелковую подготовку, а на выбивание очков, при чем построенная им система была такая, что можно было выбить больше 100%. Стремление к такому стрелкачеству вносило ажиотаж в боевую обстановку; благодаря, выпущенной ЕФИМОВЫМ, инструкцией, очень много лож пришлось выбросить и заменить новыми, винтовки были испорчены, пока комиссия Партийного Контроля не взялась за рассмотрение этого дела. Помимо этого АЛАФУЗОВ и ВАСИЛЕНКО была проведена такая организация полковых школ, что они имелись в территориальных частях, но их не было в кадровых частях, благодаря чему боевая подготовка командиров стояла на очень низком уровне. В школах имеется очень высокий образовательный ценз, но сейчас штаты построены так, что непосредственным учителем является молодой командир - хоть сверхсрочник, но с очень низкой подготовкой. Боевая подготовка поставлена очень низко и качеством далеко не такое, какое должно быть и какую мы мечтаем привить нашим командирам.

Благодаря тому, что ВОЛЫПЕ по Административно-Мобилизационному Управлению проводил вредительскую работу по линии мобилизационной подготовки, в стране нет учета специалистов, а по отдельным специальностям этот учет играет большое значение, потому что число специалистов очень ограничено.

При проверочной мобилизации призываемые являются из одной части в другую и наоборот. Тут имеется очень большая запутанная работа, требующая пересмотра и ок-
ружной и военкоматской работы на местах. Помимо этого, нужно указать как на вредительскую работу - на призыв и увольнение. Призыв и увольнение производится чрезвычайно медленно. Для европейской части это тянется 2 месяца, а для ОКДВА гораздо больше, и учебные планы рассчитываются в результате этого не на 12 месяцев, а на 10 или даже 9. Эти сроки можно значительно сократить. Таким образом, повторяю, по всем линиям была организована вредительская работа, из которой я возвращаюсь к самой опасной, требующей коренного изменения - это вредительская работа по задержке числа стрелковых дивизий. Без этого положение Красной армии является чрезвычайно тяжелым. Недостаточно количество артиллерийских резервов командования. Если бы немного поднажали и дали дополнительные средства, в чем я считаю нет никаких затруднений, то наше положение чрезвычайно сильно выиграет, и польско-германский блок сможет быть разгромлен РККА.

Председатель: - Вы не читаете лекцию или доклад, а вы даете показания.

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: - Я говорю о тех вредительских делах, которые мы производили. Вот основные моменты вредительства, шпионаже и диверсии, о которых я могу рассказать.

Я хочу заверить, что все то, что мне известно, по основным вопросам, я сказал.

Председатель:- Вы помните ваше заявление, которое вы подали Наркому Внутренних Дел т.ЕЖОВУ и одну фразу: "Я возглавлял контрреволюционный военный"... (читает)... Правильно это?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: - Правильно.

ВОПРОС: - Вы посылали приветствие после фашистского переворота ГЕРИНГУ и ГИТЛЕРУ по случаю их прихода к власти?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: - Мной было поручено ЭЙДЕМАНУ передать приветствие полковнику ГАРТМАНУ.

ВОПРОС: подсудимому ЭЙДЕМАНУ: Подсудимый ЭЙДЕМАН, вы это подтверждаете?

Подсудимый ЭЙДЕМАН:- Да, мне было дано ТУХАЧЕВСКИМ поручение о передаче приветствия полковнику ГАРТМАНУ лично, в связи с победой фашистов.

Тов.ДЫБЕНКО:- Вы с подсудимым УБОРЕВИЧЕМ вели переговоры с французским генералом ШВЕЙЦГУТОМ о том, что после прихода к диктаторской власти "Наполеона" ТУХАЧЕВСКОГО будет ли эта власть поддержана французским правительством.

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ:- Я знаю, что УБОРЕВИЧ показывает, что он вел такие переговоры с генералом ШВЕЙЦГУТОМ.

Я лично разговаривал с генералом ГАМЕЛЕНОМ, и поэтому не было нужды обращаться к посредничеству УБОРЕВИЧА.

Тов. ДЫБЕНКО: - Вы когда-либо считали себя членом нашей партии?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: - Да.

Тов. ДЫБЕНКО: - Вы преследовали поражение нашей армии; в 1921 году вы вызвали диверсанта ПУТНА, чтобы усилить восстание под Кронштадтом; в 1923 году отказались подписать заявление против ТРОЦКОГО, в 1918 году, как вы говорите, приехали в Россию, бежав из плена. Мне кажется, что вы не бежали из плена, а приехали как немецкий шпион.

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: - Я убежал из Германии до Октябрьской революции, поэтому, такую задачу - как разложение советской армии, я получить не мог. Что касается моего выступления против ТРОЦКОГО в 1923 году, то мною лично был написан доклад по этому поводу и послан в ЦК. ИЛЬИНСКИЙ об этом знает, он свой доклад тоже посылал, и мы у него его составляли. Я сам написал доклад о той невозможной неразберихе, которая создалась в армии, о никчемности руководства и т.д.

Тов. ДЫБЕНКО: - Вы сами пишете в своих показаниях, что вы с 1925 года вели шпионскую работу в пользу Польши и Германии. О шпионской деятельности было известно вашему руководящему центру - УБОРЕВИЧУ, который пригласил вас в Париже зайти на могилу Наполеона, и известно было ЯКИРУ. Считаете ли вы, что ЯКИР являлся

не только вредителем, но и прямым шпионом, связанным с немецким генеральным штабом?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: - Да, каждый член центра несет такую ответственность.

Тов. ДЫБЕНКО: - Что значит - несет ответственность?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: - Является шпионом.

Тов. АЛКСНИС: - Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ, помимо НАУМОВА, ЛАПИНА, ХРУСТАЛЕВА, которых вы называли, давали ли вы еще кому-нибудь задания о вредительстве в воздушном флоте?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: - Нет.

Тов. АЛКСНИС: - А в центральном аппарате?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: - Нет.

Тов. АЛКСНИС: - Или на местах?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: - Нет.

Тов. БУДЕННЫЙ: - Вы сказали, что АШЮГА передал сведения генеральным штабам Японии и Германии. По чьему заданию?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: - По заданию центра.

Тов. БУДЕННЫЙ: - По вашему?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: - Да.

Тов. БУДЕННЫЙ: - Где произошла эта передача на месте или в Москве?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: - О технике и о лицах ничего не могу сказать. Когда я смотрел железно-дорожный полигон в Гороховцах, то АШЮГА мне сообщил, что за-

дание центра о передаче японскому и германскому генеральным штабам выполнено им совместно с работниками НКПС.

Тов.БЛЮХЕР: - Еще какие сведения были переданы о положении дел у нас?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: - Я данных не имею, но повторяю, что работу по Дальнему Востоку вел непосредственно ГАМАРНИК, у которого здесь был центральный аппарат. К нему пересылались все материалы по Дальнему Востоку и они у него находились. Я знаю только те отдельные факты, о которых я показал. Я считаю очень важным то обстоятельство, что ГАМАРНИК сознательно задерживал строительство железной дороги Улан-Батор, которая является очень важным вопросом для Красной армии.

Тов.БЛЮХЕР: - Через кого и как велись переговоры об уступке германскому фашизму Украины и Приморья - Японии?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: - Это ПЯТАКОВ говорил мне, вернее, ТРОЦКИЙ через ПЯТАКОВА, но мне лично это говорил ПЯТАКОВ.

Тов.БЛЮХЕР: - Вы с этим согласились?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: - Как же не согласиться, если находишься в организации. Это такой вопрос, с которым согласиться очень трудно, особенно с Дальним Востоком и с японцами, но тут уж логика хода вещей толкала на все.

Тов. БЛЮХЕР: - Центр об этом знал, и вел в этом направлении свою работу?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: - Да.

Тов. БЛЮХЕР: - Вы сказали, что генерал РУМШТЕДТ интересовался, вернее вы интересовались, где будут наступать главные германские войска и вы просили его назвать, это направление, но он отказался. Скажите интересовался ли РУМШТЕДТ где будут наступать главные силы Красной армии, были-ли такие разговоры?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: - Был такой разговор, что центр нашего заговора обсудит эту установку РУМШТЕДТА, и я должен был дать ответ ему через генерала НЕСТРИНГА.

Тов. БЛЮХЕР: - Информации о Красной армии не дали?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: - Нет.

Тов. ДЫБЕНКО: - Не понятно, как у Вас было организовано дело по отношению к дворцовому перевороту. Вы говорите, что ГОРБАЧЕВ вам сообщил о том, что идет подготовка, а плана вам не докладывали? Не может быть, чтобы вы, как руководитель центра, не поинтересовались планом дворцового переворота.

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: - Мне об этом рассказывали, что там готовится при помощи школы ВЦИК и работников НКВД: выключение телефонной линии и т.д., но подробностей я не знал, так как условия конспирации не позволяли посвящать во все детали.

Тов. ДЫБЕНКО: - Знал об этом ЯКИР?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: Знал. У нас вообще заседаний центра не было, но такие разговоры по важным вопросам, являющимися решающим моментом - проводились.

Тов. ДЫБЕНКО: Как и кем был подготовлен перевод ГОРБАЧЕВА в Москву?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: С дальнего Востока? Я этого не могу знать. Я могу добавить, если разрешите, по поводу одного момента, о котором я забыл сказать на судебном следствии.

У нас вообще с передвижкой командного состава получалась полнейшая вакханалия. Это передвижение напоминало то, что у ТРОЦКОГО было в 1923 году со штатами: каждый день штаты менялись. И у нас каждый день подписывались приказы на текущий состав...

Тов. УЛЬРИХ: ... Это известно!

Член суда: Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ, в своих показаниях от 27-го мая вы говорите, что в 1935 году вами через ПУТНА передавались германскому штабу сведения об авиации. Вы подтверждаете это?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: Да.

Член суда: Откуда эти сведения к вам поступали?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: от АЛАФУЗО.

Член суда ГОРЯЧЕВ: Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ, вы перед УБАРЕВИЧЕМ ставили задачу - зарезать конницу на Барановском направлении? В чем это конкретно должно было выражаться?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: Такой установки, как вы формулировали, не было. Было задание о том, что для армии вторжения нужно создать наиболее трудные условия, но разработать таким образом, чтобы конница осталась без об"емистого фуража - словом все это касается общего вопроса по армии вторжения.

Отдельный обмен мнений по этому поводу у меня с УБОРЕВИЧЕМ имелся, но исчерпывающего плана - я не знаю.

Член суда ГОРЯЧЕВ: В показаниях УБОРЕВИЧА сказано, что он имел от вас задание чтобы "на Барановском участке..." (приводит выдержку из показаний).

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: В основном я не могу спорить. Раз такая операция дается в целом, то отсюда вытекают и подробные частности.

Член суда ДЫБЕНКО: Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ, как вы можете сочетать эту измену, предательство и шпионаж с 1929г. с тем, что вы носили партийный билет. И как вы могли ответить положительно на мой вопрос считали ли вы себя членом партии ?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: Я повторяю, что эта работа началась с УБОРЕВИЧЕМ и ЯКИРОМ не с 1929 года,

а значительно позже - с 1932 года. Конечно, здесь есть раздвоение: с одной стороны у меня была горячая любовь к Красной армии, горячая любовь к отечеству, которое с гражданской войны я защищал, но, вместе с тем, логика борьбы затянула меня в эти глубочайшие преступления, в которых я признаю себя виновным.

Член суда ДЫБЕНКО: Как можно сочетать горячую любовь к родине с изменой и предательством?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: Повторяю, что логика борьбы, когда становишься на неправильный путь, ведет к предательству и измене.

Член суда ДЫБЕНКО: По показаниям КОРКА видно, что троцкистская организация и предатель РЫКОВ являются подсобными органами для того, чтобы осуществить диктатуру ТУХАЧЕВСКОГО.

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: Нет я считаю, что реальное соотношение сил было такое, что наша организация, наш центр, согласовывал свои действия с организацией правых и троцкистов. Так у нас все дело

и шло, но до организованных разговоров о том, как должна сложиться власть, дело не доходило.

Член суда ДЫБЕНКО: Подсудимый КОРК: в ваших показаниях точно говорится, что ТУХАЧЕВСКИЙ считал вас солдатом, что вы считаете, что он строил переворот, исходя из замыслов Наполеона.

Подсудимый КОРК: Да, я подтверждаю, что с 1936 года, когда ТУХАЧЕВСКИЙ больше не завуалировал ни в какой мере своих личных диктаторских намерений, это для меня было ясно.

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: У меня был какой-то разговор с КОРКОМ у него на вечере после обильного обеда, но сказать о чем я там разговаривал, я затрудняюсь. Во всяком случае организованных бесед у нас тогда на вечере не было.

Тов. ШАПОШНИКОВ: Если генерал РУМШТЕДТ обсуждал с вами направление германской армии, какие конкретные указания он давал по Летичевскому району.

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: Нет, он не давал. Мы делали выводы из обстановки, которая могла установиться на военное время и считали важным предать немцам Летичевский укрепрайон.

Тов. ШАПОШНИКОВ: Т.-е., оставить эти направления открытыми?

Тов. БЛЮХЕР: Значит готовили сами план германскому фашизму?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: Да.

Председательствующий тов. УЛЬРИХ: В ваших показаниях написано следующее: "Задачи военного заговора... (зачитывает показания). Подтверждаете вы это?"

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: Да, подтверждаю.

Председательствующий тов. УЛЬРИХ: Значит надо добавить, что вы с германской разведкой были связаны фактически с 1925 года. Садитесь, пожалуйста.

Подсудимый УБОРЕВИЧ, данные вами показания на предварительном следствии, вы подтверждаете?

Подсудимый УБОРЕВИЧ: Подтверждаю.

Председательствующий тов. УЛЬРИХ: К которому времени относится ваше вхождение в антисоветскую военную организацию?

Подсудимый УБОРЕВИЧ: В антисоветский военный заговор вовлек меня ТУХАЧЕВСКИЙ. Он предварительно прощупывал меня в конце 1934 года, а фактически, я это хорошо помню, поставил задачи, и я занялся их выполнением, в марте 1935 года. Этому предшествовали некоторые обстоятельства. Если можно, я о них скажу.

Председательствующий тов. УЛЬРИХ: Пожалуйста.

Подсудимый УБОРЕВИЧ: С конца 1933 года ТУХАЧЕВСКИЙ и ЯКИР сблизились со мной и мы начали вести беспринципную борьбу против единства руководства армии, против ВОРОШИЛОВА. Это и разложило меня и поставило на грань дальнейшей ступени выполнять уже задания центра. В начале 1934 года я не был на антисоветских позициях и, не зная, что ТУХАЧЕВСКИЙ ведет такую работу, особо выступал против его вредительского плана организовать в армии бригады вместо стрелковых дивизий. Я хорошо помню, что в марте 1935 года он по существу поставил передо мной весь свой план политических и военных действий, первый свой вариант. Там он мне вначале доказывал неизбежность нашего поражения в войне против Японии, Германии и Польши и трудностей внутри. Он стал говорить, что возглавляет организацию, что у него есть связи с правыми и троцкистами. В дальнейшем он к этому вопросу не возвращался. Я понял, что он ведет политику на свой личный термидорианский риск и потому поставил эти вопросы и я стал выполнять и эти идеи и практические вопросы пораженчества.

Первым вопросом он передо мной поставил вопрос о вредительских армиях вторжения. Это было не

в 1936 году, после военной игры, а точно помню, что в марте, а может быть в апреле 1935 года. В начале, не понимая в чем дело, я доказывал, что конница, выступив без артиллерии, без тылов, при небольшом количестве танков, переброшенных на укрепленные районы, на второй день будет разбита.

Были два стратегических варианта действий немцев. Первый вариант, который заключался в том, что Красную армию можно разбить.....

Председательствующий тов.УЛЬРИХ: Подсудимый УБОРЕВИЧ, вы здесь не читаете лекцию и не делаете доклад. Вы, как член заговорщической организации, должны рассказать о своей к-р деятельности.

Подсудимый УБОРЕВИЧ: Я, как член заговорщической организации, принял эти установки ТУХАЧЕВСКОГО, получил задание особенно внимательно подбирать людей для вредительского дела и проводить некоторые вопросы вредительства. Вот эти вопросы вредительства я попытаюсь, если разрешит суд, доложить.

Председательствующий тов.УЛЬРИХ: Расскажите конкретно, что было сделано, по чьему заданию, вами или другими членами центра, и во имя чего вы это делали?

Подсудимый УБОРЕВИЧ: Первый вопрос - это вредительское строительство артиллерийских складов в прифронтовой полосе. Он сказал, что это будет мишень, легко доступная авиации противника и уничтожение этих складов лишит части боекомплектующим, поэтому я дал задание Строительному управлению округа, потом МАРТЫНОВУ и АБРАМОВУ строить склады в прифронтовой полосе, доступной воздействию авиации противника.

Второй вопрос - строительство бензобаз открытых и доступных действиям авиации. По этому вопросу задание шло из Москвы (не знаю через кого), но оно пришло в округ и было явно вредительским, и я против него не возражал.

Третий вопрос - это по линии строительных учреждений. Много вообще было отдельных вредительских заданий в области строительства, вредительски шло строительство ангаров и точек в Шайковке, не развивалась база по ремонту автомобилей и танков и т.д., все это вело к ослаблению армии.

Вредительство проводилось в укрепленных районах.

Так, например, в результате такого вредительства в первый день войны бетонно-пулеметные точки остались бы на 50 % без пулеметчиков.

По вопросам железной дороги. Я знал, что эту работу ведет АППОГА. Как командующий войсками видел наглядно вредительскую работу АППОГИ и принимал участие в ней,

помогая тем, что значительно замедлял продвижение ряда существенных и важных вопросов. Я вербовал людей, постепенно их обрабатывая, подготавливая их к пораженческой работе во время войны. В своих показаниях я указал какие именно люди, для какой цели были завербованы. В 1935 году я узнал от ТУХАЧЕВСКОГО о "дворцовом перевороте", но без особых подробностей.

Находясь в Париже вместе с ТУХАЧЕВСКИМ, я получил от него задание переговорить с генералом ШВЕЙЦГУТОМ, представителем французского генерального штаба, и прощупать его отношение к нашим делам. По словам ТУХАЧЕВСКОГО ШВЕЙЦГУТ является крупной политической фигурой во французском генеральном штабе и ведет там всю внешнюю и внутреннюю политику. Этот разговор с ТУХАЧЕВСКИМ был в автомобиле.

Для меня было ясно, о чем идет речь. Для первого раза мне говорить с генералом открыто о том, что в нашей стране есть заговор, не совсем было удобно. Я подошел осторожно и в конце концов, свел разговор к тому, как он относится к приходу ТУХАЧЕВСКОГО к власти. ШВЕЙЦГУТ отозвался очень положительно о нем и осенью 1934 года на маневрах, по своей инициативе, сказал, что генеральный штаб это безусловно будет приветствовать. Там-же в Париже сказал, что он таким же образом прощупал КУПЕРА, который, якобы, говорил, что он приветствует укрепление России.

Работая, как двурушник и предатель и выполняя задания ТУХАЧЕВСКОГО, я подготовлял, главным образом, пораженческие операции на период войны.

О членах центра я хотел бы здесь сказать, в частности о ГАМАРНИКЕ. Нет сомнений, что он был членом центра. Его очень хвалил ТУХАЧЕВСКИЙ. ГАМАРНИК ясно себя обнаружил, когда мы шли в правительство ставить вопрос о ВОРОШИЛОВЕ, нападать на ВОРОШИЛОВА, по существу уговаривались с ГАМАРНИКОМ, который сказал, что он крепко выступит против ВОРОШИЛОВА. Встречи членов центра были по 2 по 3 человека максимально и очень законспирированные.

Я не получал от ТУХАЧЕВСКОГО диверсионных заданий, не помню таких заданий, это я могу со всей ответственностью здесь заявить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Во имя чего все это вами делалось, для какого государства, для каких классов вы вели анти-советскую борьбу?

Подсудимый УБОРЕВИЧ: Во имя реставрации капитализма.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы входили в состав руководящего ядра заговора. В Вашем показании написано: "Я участвовал...."

(Зачитываются показания УБОРЕВИЧА).

Подсудимый УБОРЕВИЧ: Правильно, такое задание я получил весной 1935 года.

Тов. ДЫБЕНКО: Вы говорите, что вступили в центр примерно в 1934 году, укрепленный район начал строиться в 1935 году. Как это увязывалось. Вы давали вредительские

указания по постройке укрепленного района?

Подсудимый УБОРЕВИЧ: Никогда я не давал таких заданий.

Тов. ДЫБЕНКО: Вы стремились посадить начальником штаба ЯКИРА, выступая с 1925 года единым фронтом?

Подсудимый УБОРЕВИЧ: Это не верно, потому что в 1931 году я был выставлен из центрального аппарата ГА-МАРНИКОМ и ТУХАЧЕВСКИЙ занял мое место и никаких связей длительное время я с ним не имел.

Тов. ДЫБЕНКО: Ваша вредительская работа началась с момента назначения вас начальником вооружений?

Подсудимый УБОРЕВИЧ: Наоборот, я открывал вредительскую работу старых офицерских кадров.

Тов. ДЫБЕНКО: Для того, чтобы замаскировать свою собственную вредительскую работу?

Подсудимый УБОРЕВИЧ: Нет.

Тов. БЕЛОВ: Какую вредительскую работу Вы проводили в БВО?

Подсудимый УБОРЕВИЧ: Никакой вредительской работы я не проводил.

Тов. ДЫБЕНКО: Непосредственно шпионскую работу вы вели с немецким генеральным штабом?

Подсудимый УБОРЕВИЧ: Не вел никогда.

Тов. ДЫБЕНКО: Вашу работу Вы считаете шпионско-вредительской?

Подсудимый УБОРЕВИЧ: С 1935 года я вредитель-изменник-враг.

(Перерыв на 1 час).

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

Председатель тов. УЛЬРИХ: Заседание продолжается.

Подсудимый КОРК, показания, которые вы давали на предварительном следствии, в частности, показания от 26-го мая и от 9 июня, вы подтверждаете?

Подсудимый КОРК: Подтверждаю.

Тов. УЛЬРИХ:- Вы признали себя виновным в том, что являлись участником военной контрреволюционной право-троцкистской организации: " Я виновен в том, что... (зачитывает показания КОРКА). Правильно?

Подсудимый КОРК:- Все подтверждаю.

Тов. УЛЬРИХ: Расскажите по-подробнее о попытке государственного переворота и в какой мере об этом вы информировали центр?

Подсудимый КОРК:- Может быть вы позволите сказать о самом себе , о том, как я попал в организацию.

Тов. УЛЬРИХ: Пожалуйста.

Подсудимый КОРК: Я лично был вовлечен в контрреволюционную право-троцкистскую военную организацию в июле 1931 года. Вовлек меня в эту организацию ЕНУКИДЗЕ. От ЕНУКИДЗЕ я получил задание связаться с ТУХАЧЕВСКИМ, ГОРБАЧЕВЫМ и ЕГОРОВЫМ....

Тов. УЛЬРИХ:- Начальником школы ВЦИК?

Подсудимый КОР:- Да. Причем мне ЕНУКИДЗЕ тогда же, уже в июле месяце, сказал, что первым этапом работы

контрреволюционной организации право-троцкистов является совершение в Кремле переворота с целью захвата власти правыми, так как по всем признакам каким-либо мирным путем РЫКОВУ и БУХАРИНУ не удастся придти к власти и, что мне необходимо по этим вопросам поговорить с теми лицами, которых он перечислил, т.е. ТУХАЧЕВСКИМ, ГОРБАЧЕВЫМ, ПЕТЕРСОНОМ и ЕГОРОВЫМ. В середине августа я был у ТУХАЧЕВСКОГО. Я ему сказал, что меня направил к нему ЕНУКИДЗЕ, что я завербован в состав контрреволюционной организации. ТУХАЧЕВСКИЙ одобрил мой шаг, признал, что в тогдашней политической обстановке я поступил совершенно правильно. При этом предложил мне также, в свою очередь, поговорить с ПЕТЕРСОНОМ и ГОРБАЧЕВЫМ по вопросу использования школы ВЦИК. В конце августа месяца я проводил в школе ВЦИК инспекторский смотр на Октябрьском стрельбище. После окончания стрельбы я, ГОРБАЧЕВ, ПЕТЕРСОН и ЕГОРОВ остались на стрельбище и начали вести обсуждение о том, какие имеются установки РЫКОВА, БУХАРИНА, ЕНУКИДЗЕ о перевороте в Кремле, что уже по этому поводу решено и что нужно дальше делать. Нам всем вопрос был ясен, что задача может быть выполнена только тогда, или вернее, к выполнению задачи нужно приступить тогда, когда будет дан соответствующий сигнал со стороны ЕНУКИДЗЕ. Мне ГОРБАЧЕВ и ПЕТЕРСОН рассказали следующее: этот воп-

рос уже обдуман, как более целесообразным мыслится произвести арест правительства (как считает ЕНУКИДЗЕ, очевидно по директиве РЫКОВА или БУХАРИНА)? во время какого-либо ночного правительственного заседания, что для этого должны быть подготовлены соответствующие люди. ГОРБАЧЕВ заявил, что им уже подбор людей ведется. Имеются группы курсантов и командиров, но нет никакого смысла, чтобы с этими людьми все разговаривали, что надо в целях конспирации вести поменьше разговоров, что он людей знает, оплошать не может и, когда дело дойдет до исполнения, соответствующая группа людей будет выставлена для того, чтобы участвовать в этом перевороте.

ПЕТЕРСОН тогда-же меня информировал, со слов ЕНУКИДЗЕ, что когда настанет момент совершения переворота в Кремле, рыковцы, правотроцкисты к тому времени сформируют правительство, которое явится в нужный момент в Кремль, примет участие в аресте правительства и приступит к опубликованию соответствующих правительственных сообщений или постановлений.

О каких постановлениях шла речь - мне неизвестно.

Позднее, когда я встретился с ЕНУКИДЗЕ, он заявил, что ему уже известно о том, что я, совместно с

ГОРБАЧЕВЫМ, ПЕТЕРСОНОМ и ЕГОРОВЫМ обсуждали план, что мне нужно; во первых, теперь особенно внимательно следить за подбором людей, и во-вторых, по Московскому гарнизону мне, как его начальнику, нужно принять меры, чтобы эта операция прошла незаметно потому, что, очевидно, правые примут такие меры, что этот переворот произойдет без большого шума. Далее ЕНУКИДЗЕ мне сказал, что командующие округов осведомлены обо всем этом и когда совершится переворот, то они приведут свои войска к присяге новому правительству; что все это знал руководитель военного заговора ТУХАЧЕВСКИЙ и что тут нет надобности сомневаться в дальнейшем, нужно только ждать сигнала.

Прошел год, другой - никакого сигнала от ЕНУКИДЗЕ не было. Вместе с тем уже нарастали новые планы, новые соображения.

Прежде всего должен сказать, что с ТУХАЧЕВСКИМ, как с руководителем организации, я повторяю еще раз, держал непосредственную связь с середины августа 1931 года.

Причем в октябре 1931 года по поручению ТУХАЧЕВСКОГО я установил непосредственную связь с членом центра УБОРЕВИЧЕМ. К тому времени мне стало из-

вестно, что в состав центра входят : ТУХАЧЕВСКИЙ, ЯКИР, УБОРЕВИЧ, ЭЙДЕМАН и я. Про других лиц, в частности про ГАМАРНИКА, мне ТУХАЧЕВСКИЙ не говорил тогда и не называл его фамилии и в последующем.

С осени 1931 года, когда я начал свою работу в этой контрреволюционной организации, первой задачей моей было то, чтобы понизить боеспособность армии и вторая - это начавшаяся вредительская деятельность по подрыву боевой мощи Красной армии. Эта работа вытекала из тех заданий, которые мне были даны ТУХАЧЕВСКИМ. Во первых, создавать такую организационную структуру в армии, которая не отвечала бы уровню боевой готовности, а наоборот, организационная структура должна понижать боевую готовность.

Техническое оснащение армии должно было идти так, чтобы нагромождение предметами вооружений было большое, но с наличием крупных недостатков. В области боевой подготовки нужно было вести работу так, чтобы внешний эффект бросался в глаза, а фактически боевая подготовка по своему содержанию страдала бы.

В чем конкретно выражалась моя работа?

По организационным вопросам я поддерживал ТУХАЧЕВСКОГО по структуре стрелковой дивизии.

Он поставил вопрос, чтобы в Московском округе была опытная дивизия в составе 7.500 человек.

Это было сделано, и я, по директиве ТУХАЧЕВСКОГО, обязан был всемерно популяризировать эту структуру, как наиболее целесообразную в наших условиях в Красной армии, в то время, как для меня была абсолютно ясна вся нежизненность такой куцой - именно куцой, организации стрелковой дивизии.

Дальше, исходя из установок ТУХАЧЕВСКОГО, я должен был, в своей практической работе не взирая на то, что лично не участвовал в вопросе оснащения артиллерией Красной армии проводить в округе линию на то, что в связи с возникновением танкового вооружения, артиллерия отходит на задний план; что танки могут выполнять очень много серьезных заданий, которое раньше выполнялись артиллерией. И для примера можно сказать, что, если до этого вопрос об артиллерийской подготовке ставился ...

Тов.УЛЬРИХ: ... Я вас перебую! Вы очень подробно говорите. Об этом детально написано в ваших показаниях.

Подсудимый КОРК: Далее. В отношении общевойскового боя. Я точно так же проводил те установки, которые давались ТУХАЧЕВСКИМ. В частности, для того чтобы "поднять" боевую подготовку всего округа, мною проводилось большое количество разного рода сборов для высшего состава. Командиры корпусов и дивизий отрывались от работы в

войсках, в то время когда их присутствие необходимо было как раз при частях. В свою очередь, я предлагал командирам корпусов и дивизий также у себя проводить такие сборы. Исходя из установок, которые давал мне ТУХАЧЕВСКИЙ, я проводил ряд мероприятий отрицательно-го порядка в подготовке штабов. Создавалась исключи-тельно сложная документация, которая усложняла работу командира, сковывала его инициативу. Внешне работа как будто кипела, а толку было мало.

Так продолжалось до 1934г., когда Народный Комис-сар обратил на это внимание в Приволжском военном округе на учениях и категорически это запретил. После этого я был не в состоянии проводить этот вид вреди-тельской деятельности.

На всякого рода занятиях с высшим начальствующим составом, на военных играх вопрос тыла разрабатывался совершенно неправильно. Тыл чрезвычайно загромождался. Станции снабжения имели такое огромное количество вся-кого рода боевого имущества, что они могли бы закупо-рить войсковой тыл и даже армейский тыл.

Вопросы оперативной подготовки. Тут я должен перейти в область иного вида деятельности своей и всей нашей организации в целом. Это вопрос пораженческого плана. Я, как работавший в центральном округе, не был

причастен к разработке оперативных планов, но участвовал на военных играх генерального штаба. Одновременно с этим в кабинете у ТУХАЧЕВСКОГО происходил ряд совещаний, на которых присутствовали: ТУХАЧЕВСКИЙ, УБОРЕВИЧ, ЯКИР, я и иногда ЭЙДЕМАН и где уже с осени 1933 года стали разбираться вопросы пораженчества. Должен довести до сведения Суда, что сегодня ТУХАЧЕВСКИЙ уклонился в сторону совершенно не той оценки пораженчества, которая у нас давалась на этих совещаниях. Для нас было совершенно ясно, что уже с осени 1931 года даже, когда мы подводили итоги поездки генерала АДАМА (о чем я дальше доложу суду), что против нас будет и Польша и Германия совместно, что в наш план отнюдь не входят какие то переговоры с германским командованием по совместному нападению на Польшу. Так вопрос в нашем центре никогда не ставился. Мы рассматривали наш план в разрезе пораженчества так, чтобы поставить армию всех фронтов на Западе в такие условия, чтобы при нанесении поражения войскам Красной армии внешними врагами - противником, (Германия, Польша и другие страны) Красная армия потерпела бы такой урон, который позволил бы право-троцкистам легче прийти к власти и вырвать власть из рук сталинского правительства. Поэтому у нас и пораженческие планы рассматривались так, что германские войска развертываются на территории Польши, при чем в самом начале должен сказать, что ТУХАЧЕВСКИЙ дал такую

установку, что нужно при всех военных играх наметить определенное направление, слабо обеспеченное Красными войсками, которое было бы известно противнику с тем, чтобы противник легче мог бы наносить нам удары. Не один раз к этому вопросу возвращались в обсуждении в кабинете ТУХАЧЕВСКОГО, но более конкретный разговор вел на эту тему в начале 1935 года в кабинете ТУХАЧЕВСКОГО, где участвовали: я, УБОРЕВИЧ и ЯКИР, ТУХАЧЕВСКИЙ тогда заявил нам так: "Вот я, мол, разрозненно вел с каждым из вас беседы о пораженческих планах на протяжении значительного отрезка времени. Пора уже подвести итоги и уяснить те основные установки, исходя из которых, мы будем осуществлять свое пораженчество в случае открытия военных действий. На протяжении уже известного отрезка времени мы в округах, прилегающих к нашей Западной границе, в округах европейской части Союза, создали такие настроения, что прибалтийский театр может стать для нас пассивным театром, что там Германия не развернет своих сил и что в связи с этим можно на этот фронт не обращать внимания. Значит немцы развернут там свои силы и перейдут в наступление, и дело закончится тем, что даже Ленинград будет сдан очень быстро противнику, что, конечно, нанесет огромный урон обороноспособности страны. Это явится исключительно чувствительным ударом для обороноспособности СССР в связи с нахождением в Ленинграде громадного количества заводов,

работающих на военную промышленность. Аналогично этому нужно продумать вопрос в отношении Белорусского и Украинского фронтов и там наметить определенные оперативные направления, которые в случае войны, были бы слабо заняты".

Совершенно естественно, что, поставив этот вопрос, мы отнюдь не собирались пересматривать тех письменных оперативных планов, которые были составлены в округах и которые находились в генеральном штабе. Для нас было совершенно ясно, что если бы командующие пограничными округами и в генеральном штабе кто-либо по указке ТУХАЧЕВСКОГО начал бы в свои планы мирного времени вносить соответствующие вредительские пораженческие моменты, то это могло бы очень быстро привести к разоблачению, и нашу организацию, конечно-бы, раскрыли. Поэтому, совершенно естественно, что все эти разговоры насчет пораженчества в разрезе общих оперативных решений они были поставлены так, что к этому нужно быть готовым, но каждый командующий фронтом, командующий армией, которые входят в нашу организацию, с объявлением мобилизации сами будут действовать, исходя из общих установок.

Когда ТУХАЧЕВСКИЙ меня спросил, как я себе представляю осуществление пораженческого плана, я заявил,

что мне не известно какой армией я буду командывать. Буду ли я на западном фронте (а мне было известно, что я буду на западном фронте), командывать армией, которая будет разворачиваться в Полоцком районе, или буду на Слуцком направлении. Мне сейчас трудно сказать что-либо определенное. В зависимости от моего места в случае войны, будет решаться этот вопрос. УБОРЕВИ на это ответил: "Что-же раз ясно, что будешь командовать армией на правом фланге западного фронта, будешь наступать на Ригу и, совершенно естественно, что при быстром продвижении, (а предполагалось что на том направлении крупных сил противника не будет) армия, которой я руководил бы, подставила бы свой фланг или тыл противнику, который мог бы нанести удар со стороны Вильно".

Это было в 1935 году, в начале обсуждения этого вопроса.

В 1936 году, когда проводилась военная игра генерального штаба, я под руководством УБОРЕВИЧА, как раз командовал армией на западном фронте. Там, в самом начале развития операции такое решение и было принято УБОРЕВИЧЕМ, хотя на очной ставке он не хотел согласиться с тем, что такой разговор у нас в начале 1935 года был. Так вот, на военной игре в 1936 году у него имелось такое решение, что та армия, которой я командовал, вне за-

висимости от того что это касалось не центра, должна была получить задачу наступать на Ригу. Это не значит, что я дошел бы до Риги, я может быть дошел бы до Ново-Александровска или Свинцовской, но во всяком случае я оказался бы в таком положении, что, ведя наступление, я мог потерпеть поражение.

Совершенно естественно, что на этом совещании ни в коем случае невозможно было принять какое-то решение пораженческого порядка в окончательном виде. Здесь только принимались общие установки, которые давал ТУХАЧЕВСКИЙ.

На том же совещании из пораженческих вопросов встал вопрос о том, что в случае войны будут значительные трудности, если выполнять те установки, которые ныне приняты, как в редные, по организации армейского и войскового тыла и, наверняка, у нас будет огромное загромождение тыла.

В таком разрезе велись разговоры на том совещании, на котором я был. Поскольку я не участвовал на ряде обсуждений, которые ТУХАЧЕВСКИЙ вел с командующими войск или их заместителями, из числа которых многие работали в пограничных округах и входили в состав контрреволюционной организации, о тех деталях, которые сегодня я слышал из выступлений ЯКИРА и УБОРЕВИЧА,

мне не было известно, как не было известно про центральный аппарат, потому что в нашу деятельность была включена в большой степени конспиративность. Для меня совершенно ясно, что целый ряд вопросов, которые излагались сегодня ТУХАЧЕВСКИМ, ЯКИРОМ и УБОРЕВИЧЕМ, очевидно по соображениям конспирации до моего сведения доведены не были. ТУХАЧЕВСКИЙ держал меня в курсе дел до осени 1931 года в размере, как мне казалось, необходимом для работы в Московском округе. В отношении Московского округа я регулярно информировал его, как идет работа. В отношении тех лиц, которые имелись в Московском округе, могу сказать следующее: лично я завербовал ГЕРМАНОВИЧА, который перешел потом на работу в Белорусский военный округ и продолжал работу в том же направлении в Белорусском округе.

Дальше, со мной работал КОСИЧ, который был завербован УБОРЕВИЧЕМ. Я это лично установил еще в октябре пр. года, когда был по поручению ТУХАЧЕВСКОГО у УБОРЕВИЧА на квартире, встретил там КОСИЧА, и мы втроем обсуждали вопрос - какие важнейшие задачи на данный момент стоят перед Московским округом.

УБОРЕВИЧ подтвердил, что для Московского округа, как для внутреннего округа, основным вопросом является подбор кадров для армейских аппаратов, которые должны быть выделены для западного фронта и что мы должны совместно с КОСИЧЕМ работать над этим вопросом.

Могу отметить также, что ВЕКЛИЧЕВ, который по его же словам был завербован ЯКИРОМ, вместе со мной проводил вредительскую работу еще с осени 1931 г. ГОРБАЧЕВ после того, как вернулся с Дальнего Востока, работал в качестве моего заместителя и являлся для меня помощником во вредительской работе. После моего ухода в Военную Академию он примерно, 7-8 месяцев был в качестве врид. командующего Московским округом и продолжал работу, которую мы с ним вместе проводили до сентября 1936 года.

Должен остановиться еще на общих политических установках, на конечных целях, перспективах, как они рисовались лично мне. В 1931 г., когда я начал разговор с ТУХАЧЕВСКИМ, он мне осветил положение так: нам нужно безоговорочно идти с РЫКОВЫМ; ТРОЦКОГО в данное время не целесообразно поднимать на щит, потому что он в стране потерял авторитет. Но вскоре, с 1932 г. все более часто упоминался ТРОЦКИЙ, а затем в 1933 г., когда совершился фашистский переворот в Германии, то в числе тех вождей, под флагом которых мы должны были идти, являлись: РЫКОВ, БУХАРИН, и ТРОЦКИЙ. В дальнейшем ТУХАЧЕВСКИЙ не намеками, а совершенно открыто начал заявлять, что, в конце концов, какая политическая группировка возьмет верх - трудно сказать, РЫКОВ ли, ТРОЦКИЙ ли, что мы люди военные, мы должны рассматривать себя не как игрушку в руках политиков, а должны обладать сильной рукой военного человека, и начал вести разговоры в бонапартистском направлении.

Это примерно со второй половины 1934 года. В частности наиболее четко и ясно ТУХАЧЕВСКИЙ в этом отношении высказал свои мысли, /то, от чего он сегодня по каким-то причинам решил отказаться/ 29 ноября 1934 года когда ТУХАЧЕВСКИЙ и ПУТНА были у меня в гостях. Кроме них присутствовали КОСИЧ и ГОРБАЧЕВ. Тогда мы с ТУХАЧЕВСКИМ и ПУТНА уединились и поговорили о политических перспективах. Тут стало ясно, что нужно рассматривать ТУХАЧЕВСКОГО, как будущего диктатора. Столь ли откровенно ТУХАЧЕВСКИЙ разговаривал со всей организацией - я не берусь судить, но из разговоров с УБОРЕВИЧЕМ я вынес такое впечатление, что УБОРЕВИЧ вполне ясно знал, какую позицию занял ТУХАЧЕВСКИЙ в нашей организации. Дальше я должен сказать относительно шпионажа. 9 июня, когда меня допрашивал прокурор Союза гр. ВЫШИНСКИЙ мне был поставлен им вопрос признаю-ли я себя германским агентом. Я ответил прокурору, что германским агентом я себя не признаю. Сейчас я должен в свои показания внести поправку и, прежде всего, отметить, что вся наша организация в целом должна рассматриваться, как фашистско-германско-шпионская агентура. Иначе наша организация рассматриваться не могла, и в тот момент, если мне лично не приходилось передавать секретных документов БЛОМБЕРГУ-ли, АДАМУ-ли, КЕСТРИНГУ-ли - это ни в какой мере не уменьшает моей вины.

Заявление, которое я сделал ВЬШИНСКОМУ из личного настроения я беру обратно. Должен признать себя и в этой части также виновным наравне с другими членами нашей организации. Как устанавливались связи с германским рейхсвером? Установление связи, как отметил ТУХАЧЕВСКИЙ, началось с того, что в 1925 году он съездил в Германию, затем в 1926 г. когда я командовал Белорусским военным округом, ТУХАЧЕВСКИЙ пригласил группу немцев на маневры, которые он организовал для Германии. Когда я был назначен в Германию в качестве военного атташе, ТУХАЧЕВСКИЙ дал мне точное задание, чтобы я постарался узнать помнят ли немцы ТУХАЧЕВСКОГО, какого они мнения о тех маневрах, которые ТУХАЧЕВСКИЙ проводил, показывая войска немцам. Мой помощник в Берлине ШНИТМАН и я послали в Разведупр для ТУХАЧЕВСКОГО ответ, что немцы помнят ТУХАЧЕВСКОГО, очень хорошо помнят маневры и помнят то приветливое отношение, которое они встретили со стороны ТУХАЧЕВСКОГО в 1936 году. В 1928-29г., когда я был в Германии, основная группа лиц, вошедших потом в состав нашей организации, успела пройти через германский рейхсвер /год или полгода для разных лиц по разному/ - был ЯКИР, УБОРЕВИЧ, ЭЙДЕМАН, были и другие лица.

Совершенно естественно, что с того времени можно установить, что уже для нас, для нашей организации, которая

возникла позже, в 1931 году, была подготовлена хорошая почва для дальнейших связей с германским командованием. Как тут отмечалось, тогда называлось это дело "сотрудничеством". Но если оно до известного предела было сотрудничеством в том смысле, что от нас ездили туда, а от германского Рейхсвера к нам, то одновременно с этим сотрудничеством развивалась и шпионская деятельность.

Совершенно иной оборот дело приняло в 1931 году, когда приезжал в Москву генерал АДАМ. Он был у меня, был у ТУХАЧЕВСКОГО. Еще до прихода АДАМА, ТУХАЧЕВСКИЙ меня предупредил, что ожидается генерал АДАМ, что нужно с ним поговорить и выяснить, как БЛОМБЕРГ смотрит на наше положение и каковы вообще дальнейшие перспективы. Когда АДАМ был у меня, он мне заявил, что он лично и БЛОМБЕРГ вполне удовлетворены тем, что у нас имеется ставка на осуществление переворота при помощи военной организации, что в недалеком будущем, очевидно в Германии, произойдет тоже самое /намекнул на гитлеровский переворот/. Свидание у меня с АДАМОМ продолжалось недолго, позднее у узнал от ТУХАЧЕВСКОГО, что АДАМ разговаривал с ТУХАЧЕВСКИМ более подробно, причем один из основных моментов, который был решен у ТУХАЧЕВСКОГО с АДАМОМ, это вопрос о том, что для связи между ТУХАЧЕВСКИМ и БЛОМБЕРГОМ будет гер-

манский военный атташе в Москве КЕСТРИНГ, что, если даже состоится фашистский переворот в Германии, то независимо от этого переворота КЕСТРИНГ останется в Москве, что это человек надежный, БЛОМБЕРГ ему доверяет, на него можно положиться и через него передавать сведения.

Как то получилось так, что наша пятерка была в сборе, и ТУХАЧЕВСКИЙ заявил нам, что связь будем поддерживать через КЕСТРИНГА, что он не возражает против того, чтобы каждый из нас в отдельности имел бы встречи с КЕСТРИНГОМ, но нужно, чтобы ТУХАЧЕВСКИЙ был заранее осведомлен, если КЕСТРИНГУ нужно давать какие-либо секретные материалы или документы, что он хочет держать этот вопрос в своих руках.

На протяжении ряда лет, у ряда членов нашей организации и лично у меня были встречи с КЕСТРИНГОМ на дипломатических приемах. На этих приемах обстановка порою складывалась не совсем благоприятно в смысле того, чтобы можно было вести разговоры с КЕСТРИНГОМ, особенно после фашистского переворота, когда внешне нужно было показывать как бы оторванность от представителей германской армии.

Но тем не менее, поскольку встречи были частые, удавалось на этих приемах вести разговоры или мне, или ТУХАЧЕВСКОМУ, или ЭЙДЕМАНУ, или другим лицам, которые попадали на дипломатический прием.

Какие разговоры вел со мною КЕСТРИНГ? Прежде всего помню, что разговор был о маневрах, на которых присутствовали немцы в Московском округе в 1931-32 г. Должен сказать, что тогда немцам вообще открыто и откровенно показывалось все. Их ставили в более выгодное положение, чем представителей других армий. Поскольку материалы давались им по маневрам, то у меня, главным образом, вопрос вертелся вокруг тех учений или маневров, на которых были представители германской армии, в том числе и КЕСТРИНГ.

Дальше КЕСТРИНГ начал мне ставить вопросы более широкого масштаба. Начал интересоваться положением Белорусского и Ленинградского округов. Причем я иногда оказывался в таком положении, что выявлялась нелепая для меня картина: так как я до известной степени от Белорусского округа отстал, то получалось, что КЕСТРИНГ имеет сведения даже по отдельным гарнизонам более точные, чем я.

Я присутствовал при нескольких разговорах, когда мы втроем - я, ТУХАЧЕВСКИЙ и КЕСТРИНГ говорили о пограничных западных округах.

Я помню также один разговор о Дальнем Востоке в присутствии ЭЙДЕМАНА, когда КЕСТРИНГ интересовался вопросом железнодорожного строительства на Дальнем Востоке и заявил, что он ожидал получения сведений, но он пока этих сведений не имеет. ТУХАЧЕВСКИЙ обещал ему эти сведения дать.

Председательствующий тов. УЛЬРИХ: В каком году был этот разговор?

Обвиняемый КОРК: Если я не ошибаюсь, этот разговор происходил в 1934 или в 1935 году. Точной даты вспомнить не могу. Это было вскоре после того, как из Москвы в Японию уехал бывший германский посол ДИРКСЕН. КЕСТРИНГ говорил, что эти сведения ему необходимы для передачи ДИРКСЕНУ, который согласует их с японским генеральным штабом.

Мне в то время не было известно, что передавались очень большой важности материалы о мобилизационных планах и развертывании промышленности. Об одних фактах я узнал из обвинительного заключения, о других узнал сегодня, но вместе с тем у меня была полная ясность на основании тех бесед, которые имелись на этих приемах в моем присутствии раза три с участием ТУХАЧЕВСКОГО, что материалы передаются. Точных данных об этих материалах я не имел.

Относительно своей работы в последний период, должен сказать, что в последнее время я работал в ака-

демии им. Фрунзе до весны 1936 года. Там работа протекала без какого бы то ни было внедрения вредительства в учебный план. Когда стал разрабатываться учебный план на 1936-37 год, то на основании установки ТУХАЧЕВСКОГО я должен был также руководить вредительской работой других лиц в академии им. Фрунзе - ПАВЛОВА, СЕРГЕЕВА, ЕРМОЛИНА. На них была возложена огромная работа. ПАВЛОВ, как ведущий работу по заочному обучению, должен был всемерно усложнять дело обучения заочников, причем это делалось им так, что работа со слушателями военной академии проводилась вредительски.

Участник нашей организации СЕРГЕЕВ, хотя и имел предназначение работать в оперативной области и, следовательно по своей кафедре вводить вредительские элементы, но он был переведен из академии им. Фрунзе и его деятельность прекратилась.

Подрывная работа ЕРМОЛИНА продолжалась до последнего времени. Продолжалась в том отношении, что он вносил путаницу по двум кафедрам. ЕРМОЛИН по тем указаниям, которые имел от ТУХАЧЕВСКОГО и меня, вредительски спланировал работу чрезвычайно успешно.

Из встреч с участниками организации за последнее время должен отметить, что последняя встреча ТУХАЧЕВ-

СКОГО и моя с ЯКИРОМ и УБОРЕВИЧЕМ была в апреле 1937 года, когда мы обсуждали ряд вопросов, артиллерийский в частности, и пришли к выводу, что то, что намечалось в свое время в части вредительских мероприятий по артиллерийским вопросам в связи с тем совещанием, которое было проведено по инициативе СТАЛИНА, все это надо сворачивать и нашу подрывную работу по артиллерии вести по другому, так как те установки вредительского порядка, которые вносились нашей организацией, уже потеряли почву для практической работы.

Далее у нас возник вопрос о том, что поскольку начались аресты надо быть особенно осторожными и вести свою работу еще более конспиративно. После этого я виделся еще раз с ЯКИРОМ - 11 мая в Киеве. На этом свидании ЯКИР в своих показаниях останавливался. Я получил от ЯКИРА задание, что, так как центр придется перевести из Москвы в Ленинград, я должен буду поговорить в Москве с ТУХАЧЕВСКИМ, УБОРЕВИЧЕМ и ЭЙДЕМАНОМ о том, согласны ли они как члены центра, чтобы руководство нашей организацией из Москвы перенести в Ленинград к ЯКИРУ.

Провести эти переговоры в Москве мне не удалось, так как в ночь с 13 на 14 мая я был арестован. Вот все.

Председательствующий тов.УЛЬРИХ: Вы показали, что в продолжение 6-7 лет Вы занимались вредительской контр-революционной работой. Я тут не понял одного, кто был хозяин. Вы упоминали о троцкистском центре, о центре правых, Вы упоминали о германских кругах. Кто же фактически был хозяином, кто давал основные установки до последнего времени - РЫКОВ, ТРОЦКИЙ или военные германские круги?

Подсудимый КОРК: При той ситуации, которая создавалась к последнему времени, хозяином являлся германский генеральный штаб.

Председательствующий тов.УЛЬРИХ: Значит, главным Вашим хозяином был германский генеральный штаб?

Подсудимый КОРК: Да.

Председательствующий тов.УЛЬРИХ: Германский генеральный штаб - это четкий ответ.

Тов.ДЫБЕНКО: Вы в старой царской армии были разведчиком или несли шпионскую службу?

Подсудимый КОРК: Ни тем, ни другим. Я тогда сражался за Россию против Германии.

Тов.ДЫБЕНКО: В 1929 году, когда Вы были посланы в Германию, Вы не были связаны с немецким рейхсвером?

Подсудимый КОРКА: — Тогда еще нет. Связь установилась только с 1931 года, когда я сошел с позиции честного советского гражданина на позиции предателя и изменника родины и вместе со мной на путь борьбы с партией стали ТУХАЧЕВСКИЙ, ЯКИР, УБОРЕВИЧ и др.

Тов. ДЫБЕНКО: — Значит можно констатировать, что УБОРЕВИЧ и ЯКИР, давая показания суду, ложно показывали, что они вовлечены в контрреволюционную организацию в 1934 году?

Подсудимый КОРКА: — Да, я настаиваю на своих показаниях. Мне известно, что они вовлечены в организацию не в 1934, а в 1931 году одновременно со мной.

Председательствующий тов. УЛЬРИХ: — Подсудимый УБОРЕВИЧ, с какого года Вы себя считаете членом военной организации, когда Вы вошли в военно-фашистскую организацию?

Подсудимый УБОРЕВИЧ: — Пораженческие задачи поставлены передо мной в марте 1935 года, а разговоры велись с июня 1934 года. До этого я не занимался контрреволюцией.

Председательствующий тов. УЛЬРИХ: — Так что, показания КОРКА, что Вы вошли в эту организацию в 1931 году — неправильны? Чем об'яснить эти показания КОРКА?

Подсудимый УБОРЕВИЧ: — Я не знаю.

Председательствующий тов. УЛЬРИХ: — Скажите, ТУХАЧЕВСКИЙ, чем об'яснить разницу между показаниями Вашими и КОРКА?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: - Я вовлек КОРКА в организацию во время опытных учений, это было в 1933 году, а не в 1931 году, как он показывает.

Председательствующий тов.УЛЬРИХ: - Может быть были разговоры антисоветского характера, не связанные с конкретными действиями?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: - Я говорил, что КОРК был завербован в 1933 году. Велись разговоры фрондирующего порядка против Ворошилова, против нашего руководства. Конкретных разговоров о заговоре до 1933 года не было.

Председательствующий тов.УЛЬРИХ: - Рассказывал ли Вам КОРК о переговорах с ЕНУКИДЗЕ по захвату Кремля?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: - Совершенно правильно, после разговора с ГОРБАЧЕВЫМ, я проинформировался у ЕНУКИДЗЕ, как обстоит это дело, а затем обратился к КОРКУ.

Председательствующий тов.УЛЬРИХ: - Когда имел место разговор о захвате Кремля?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: - В 1933-1934 г.г., когда вернулся ГОРБАЧЕВ. Здесь КОРК путает даты.

Тов.АЛЕКСИС: - Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ показывает, что в 1930 году им вовлечены в антисоветскую деятельность также ТУРОВСКИЙ и ЗЮК. "В 1931 г." - показывает ТУХАЧЕВСКИЙ, - "я

приехал в Москву, в этот период я создал антисоветскую группу ... (читает)". Подтверждаете Вы это?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: - Вовлечение ТУРОВСКОГО и ЗЮКА относится к 1928-1929 г., но только это не была антисоветская организация, это было прощупывание и отбор людей, а антисоветская организация сложилась в 1932 году.

Тов.АЛКСНИС: - Вы же показываете сами, что в 1931 году Вы создали антисоветскую группу с участием АЛАФУЗО, ЭЙДЕМАНА, СМОЛИНА и других.

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: - Это было в 1932 году.

Тов.АЛКСНИС: - Я пользуюсь подлинными Вашими показаниями.

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: - Я в своих показаниях говорил, что это было в 1932 году.

Тов.АЛКСНИС: - Значит Вы отрицаете это дело?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: - Я не отрицаю, но это было в 1932 году.

Тов.БЕЛОВ: - Подсудимый КОРК, когда Вас вербовали в организацию, Вам говорили о том, что ГОРБАЧЕВ уже завербован?

Подсудимый КОРК: - Да, ГОРБАЧЕВ и ПЕТЕРСОН были раньше меня завербованы, ЕНУКИДЗЕ об этом мне говорил, предложил мне

связаться с ПЕТЕРСОНОМ и ГОРБАЧЕВЫМ и выяснить у них все подробно.

Тов. БЕЛОВ: - А относительно ВЕКЛИЧЕВА?

Подсудимый КОРК: - О ВЕКЛИЧЕВЕ мне говорил ТУХАЧЕВСКИЙ осенью 1931 года. Он тогда стал перечислять на каких людей мне можно опереться и указал в частности КОСИЧА, но сказал, что, поскольку я его мало знаю, чтобы я сам не пытался его завербовать, пусть это сделает УБОРЕВИЧ, который его хорошо знает. Что же касается ВЕКЛИЧЕВА, мне ТУХАЧЕВСКИЙ сказал, что ВЕКЛИЧЕВ будет завербован ЯКИРОМ. Спустя несколько времени, я стал в осторожной форме вести с ВЕКЛИЧЕВЫМ разговор, чтобы прощупать - знает ли он об организации, и узнал, что ему все известно.

Тов. БЕЛОВ: - В каком году Вы установили, что ВЕКЛИЧЕВ завербован в организацию?

Подсудимый КОРК: - Осенью 1931 года.

Председательствующий тов. УЛЬРИХ: - Есть ^{ли} еще вопросы к подсудимому КОРКУ?

Тов. АЛКСНИС: - Подсудимый КОРК, Вы в своих объяснениях сказали, что неоднократно встречались на дипломатических приемах с КЕСТРИНГОМ, причем, сообщали ему ряд данных. Вы тут говорите "мы". Кто это "мы"?

Подсудимый КОРК: - "Мы" - это члены центра: ТУХАЧЕВСКИЙ, ЯКИР, ЭЙДЕМАН. Я также принимал участие в этих разговорах, но каких-либо документов или каких-либо заявок от КЕСТРИНГА не имел и документов не передавал и вообще разговоры были, причем, совершенно естественно, что когда затрагивался вопрос об организации войск, организации боевой подготовки, я, конечно, неизбежно им сообщал как идет подготовка войск Московского военного округа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: - Значит Вы подтверждаете, что Вы, КОРК, сообщили германскому военному атташе КЕСТРИНГУ в устной форме сведения о состоянии войск Московского округа?

КОРК: - Да, но вместе с тем должен добавить, что я имел определенную директиву о том, что сведения агентурного порядка я имею право давать КЕСТРИНГУ с ведома ТУХАЧЕВСКОГО, предварительно, ему доложив. Таких секретных сведений, о которых я должен был бы сначала доложить ТУХАЧЕВСКОМУ, чтобы он был осведомлен и после этого передать их, таких фактов у меня не было.

ВОПРОС т.АЛКСНИСА: - Нас сейчас не интересует вопрос с ведома или без ведома ТУХАЧЕВСКОГО Вы передавали сведения. Нас интересует вопрос - сообщили ли Вы, хотя бы в устной форме, сведения о состоянии войск Московского военного округа КЕСТРИНГУ.

Подсудимый КОРК: - Да, эти сведения я сообщил.

Тов.АЛКСНИС: - Вы рассказали о боевой подготовке войск Московского округа?

Подсудимый КОРК: - Да, рассказал.

Тов. АЛЕКСНИС: - Значит Вы ввели КЕСТРИНГА в курс состояния нашей Рабоче-Крестьянской Красной армии по Московскому округу? Ответьте конкретно - давали Вы сведения?

Подсудимый КОРК: - Да, давал.

Тов. АЛЕКСНИС: - Значит Вы лично индивидуально участвовали в шпионаже? Раз Вы передавали секретные сведения - тем самым Вы участвовали в шпионаже.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: - Подсудимый ЭЙДЕМАН, показания, которые Вы давали на допросах в НКВД и на допросе от 9 июня у прокурора Союза, Вы подтверждаете?

Подсудимый ЭЙДЕМАН: - Да, совершенно верно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: - В этих показаниях Вы признали себя виновным в том, что Вы были участником военного заговора, были полностью посвящены в характер этого заговора, вели работу по линии Осоавиахима, вербовали в Осоавиахиме кадры для вредительской работы в целях обеспечения поражения Красной армии в войне. (Читает выдержку из показаний ЭЙДЕМАНА).

Подсудимый ЭЙДЕМАН: - Да, правильно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: - В пользу какого государства эта работа велась вашим центром и Вами в частности?

Подсудимый ЭЙДЕМАН: - Совершенно ясно, что эта работа велась в работу на пользу германского генерального штаба, в пользу германского фашизма.

Тов. УЛЬРИХ: Подсудимый ПУТНА, показания, которые вы давали в последнее время, в июне месяце, в частности показания, которые вы давали Прокурору Союза 9-го июня, вы подтверждаете?

Подсудимый ПУТНА: Целиком подтверждаю.

Тов. УЛЬРИХ :- На допросе 9-го июня вы показали (зачитывает показания) - вы подтверждаете это показание?

Подсудимый ПУТНА: Подтверждаю.

Тов. УЛЬРИХ:- В этом показании нет ничего о той шпионской деятельности, которую вы проводили в течение ряда лет. Кое-какие сведения секретного порядка вы передавали кому-то. Расскажите, что вы помните.

Подсудимый ПУТНА:- Я такие показания дал следствию.

Тов. УЛЬРИХ:- Пожалуйста повторите их по этому разделу, поскольку они не получили отражения в допросе 9-го июня.

Подсудимый ПУТНА : Это должно содержаться там, потому что я указал, что в 1931 году в Берлине СМЕРНОВ Иван Никитич, в беседе со мной в здании полпредства мне передал, что, для того, чтобы показать немцам серьезную решимость троцкистов на сотрудничестве с ними, надо пойти с ними на переговоры.

По поручению ТРОЦКОГО, я вел такие переговоры с генералами ШЛЕЙФЕРОМ и АДАМОМ, установив с ними связь

через ГОФМЕЙСТЕРА. После первых переговоров с генералами АДАМОМ и ШЛЕЙФЕРОМ, когда я доложил СЕДОВУ, что мною достигнуто-, я получил повторную директиву ТРОЦКОГО через СЕДОВА о том, что этого первоначального успеха недостаточно, что надо договориться с АДАМОМ или ШЛЕЙФЕРОМ более точно о размерах участия выступления против Советского Союза со стороны самой Германии. Кроме того необходимо выяснить какую помощь может оказать Германия троцкистской организации в части снабжения оружием, припасами и техническими средствами, необходимыми для вооружения кадров троцкистов, стоящих вне армии. Попутно с этим мне было предложено указать, что вообще мы обещаем компенсацию.

Председатель:- Кто это "мы"?

Подсудимый ПУТНА: Троцкистская организация. Троцкистская организация обещает во-первых, территориальную компенсацию.

Председатель: От имени какого учреждения, страны или государства?

Подсудимый ПУТНА: От имени троцкистской организации.

Председатель: Разве она имела большой вес?

Подсудимый ПУТНА: Судя по ШЛЕЙФЕРУ и АДАМУ, они не верили в большое могущество этой организации. Организация сама хотела изобразить свой удельный вес, как

довольно внушительный, и поэтому я получил такое указание, которое и выполнял.

Председатель: Что вами было обещано в обмен за помощь?

Подсудимый ПУТНА: Территория Украины.

Тов. УЛЬРИХ: Может быть еще что-нибудь?

Подсудимый ПУТНА: Мне не было поручено больше обещать.

Тов. УЛЬРИХ:— Вам было поручено обещать германскому генеральному штабу только Украину?

Подсудимый ПУТНА: Тогда о Дальнем Востоке разговоров не велось.

Вопрос:— От кого Вы имели полномочия вести беседу с германским командованием?

Подсудимый ПУТНА:— от троцкистского руководства.

Тов. УЛЬРИХ:— В лице кого?

Подсудимый ПУТНА: Я получил это, как директиву ТРОЦКОГО, через СЕДОВА и СМИРНОВА.

Тов. УЛЬРИХ: В последующий период...

Подсудимый ПУТНА: Вы разрешите мне докончить показания. Одновременно с этим было указано, что надо авансировать их сведениями о Красной армии.

Тов. УЛЬРИХ: Что значит авансировать, т.е. быть шпионом?

Подсудимый ПУТНА: Конечно. Я говорю о той терминологии...

Тов. УЛЬРИХ:- Вы обещали сначала дать сведения, а потом Украину? Аванс под Украину - так понять? Вы заявили, что обещали немцам дать Украину. Немцы этим удовлетворились?

Подсудимый ПУТНА: Немцы не удовлетворились. На уточнение своих обещаний они не пошли, заявив, что сейчас это преждевременно и что троцкистская организация своей активной деятельностью в стране должна показать свои силы и возможности.

Тов. УЛЬРИХ:- Как же немцы считали, что троцкистская организация должна показать свои силы, в чем?

Подсудимый ПУТНА:- Это мыслилось, как действия вредительского и террористического порядка.

Тов. УЛЬРИХ: С кем персонально из представителей германского командования вы вели переговоры?

Подсудимый ПУТНА:- С майором ГОФМЕЙСТЕРОМ, генералом ШЛЕЙХЕРОМ, генералом АДАМОМ.

Тов. УЛЬРИХ: В каком году окончились эти переговоры?

Подсудимый ПУТНА: Весной 1931 года.

Тов. УЛЬРИХ: Это первый период. Когда начался второй период в другой обстановке?

Подсудимый ПУТНА: В 1936г., когда я был в Лондоне.

Поручение я получил осенью в конце 1935 года, но осуществить по целому ряду обстоятельств смог только весной 1936 года.

Тов. УЛЬРИХ: По чьему заданию вы вели эти дипломатические переговоры с немцами?

Подсудимый ПУТНА: По заданию ТРОЦКОГО.

Тов. УЛЬРИХ: Военная контрреволюционная организация имела отношение к этим переговорам?

Подсудимый ПУТНА: Прямого нет.

Тов. УЛЬРИХ: А какое?

Подсудимый ПУТНА: О таких размерах существования центра я не был информирован.

Тов. УЛЬРИХ:— Вы имели отношение к организации?

Подсудимый ПУТНА: Да, имел.

Тов. УЛЬРИХ: Когда вы вели переговоры с немецкой разведкой, вы были связаны с центром?

Подсудимый ПУТНА: Да, был.

Тов. УЛЬРИХ: С кем вы были связаны непосредственно из руководителей военной троцкистской организации?

Подсудимый ПУТНА: С ТУХАЧЕВСКИМ.

Тов. УЛЬРИХ:— Какие поручения вы получали в 1935 и 1936 г.г.?

Подсудимый ПУТНА: В 1935 году, когда я возвращал-

ся из СССР в Лондон, ТУХАЧЕВСКИЙ информировал меня о достижениях в Киевском и Белорусском военных округах в части усиления авиации и танковых формирований и поручил эти сведения передать возможным для меня путем германскому генеральному штабу. Проездом в Лондон я встретил СЕДОВА...

Тов.УЛЬРИХ: Я не понял - вы выполнили задание и потом встретились?

Подсудимый ПУТНА: Нет, до выполнения задания. СЕДОВ давал аналогичные указания от ТРОЦКОГО.

Тов.УЛЬРИХ: Вы имели поручение передать информацию. Вы встретили СЕДОВА и передали ему информацию?

Подсудимый ПУТНА: Я старался передать германскому генеральному штабу. СЕДОВУ я не передавал. Я получил через СЕДОВА параллельные указания ТРОЦКОГО, которые сводились к тому, что мне надо восстановить свои германские связи и поменьше обращать внимания на установление связей с Англией и Америкой, что мне в этой области заботиться не нужно, что есть лица, которые ведут в Англии переговоры...

Тов.УЛЬРИХ: Вам нужно было восстановить свои связи с немецкой разведкой. В каком это было году?

Подсудимый ПУТНА: Я возвращался в конце марта в Лондон и стал сближаться с немцем Э..... с военным атташе в Англии - генералом МАЙЕРОМ и затем с немецким

разведчиком капитаном ЗАЛЬЦМАНОМ, имя которого я здесь уже называл. Я выяснял настроения военного атташе МАЙЕРА, а с ЗАЛЬЦМАНОМ у меня были разговоры, как с посредником для передачи сведений.

Тов. УЛЬРИХ: Вы передали некоторые информации ЗАЛЬЦМАНУ, в чем эта информация заключалась: об авиации на Украине, вернее в Киевском военном округе?

Подсудимый ПУТНА: Да.

Тов. УЛЬРИХ: Чем он отблагодарил Вас за эту информацию?

Подсудимый ПУТНА: Он меня не отблагодарил, а я просил его, как посредника помочь мне установить связи и поговорить с РИББЕНТРОПОМ потому, что я имел поручение от ТРОЦКОГО, установить связь с немцами.

С Б..... я не мог связаться, т.к. имелись сведения о том, что я выезжаю в Германию, и я по конспиративным соображениям этого сделать не хотел.

Я считал, что наиболее полезным немцам мог оказаться РИББЕНТРОП. ЗАЛЬЦМАН мне обещал эту встречу устроить. Я должен был иметь свидание с РИББЕНТРОПОМ в середине 1934 года, но когда он приезжал, то меня не было, так как я уезжал в поездку в авиационные войска британской армии, затем РИББЕНТРОПА послали в Лондон и я предполагал установить ...

с ним связь по его приезде туда.

✓ Председательствующий тов.УЛЬРИХ: Встреча с РИББЕНТРОПОМ так и не состоялась?

Подсудимый ПУТНА: Нет.

Председательствующий тов.УЛЬРИХ: А чем кончились Ваши переговоры с ЗАЛЬЦМАНОМ?

Подсудимый ПУТНА: ЗАЛЬЦМАН подготовил для меня связь и сношение с РИББЕНТРОПОМ.

Председательствующий тов.УЛЬРИХ: Какие Вы еще выполняли поручения ТУХАЧЕВСКОГО по разведывательной линии?

Подсудимый ПУТНА: Других поручений от ТУХАЧЕВСКОГО для передачи сведений я не имел.

Председательствующий тов.УЛЬРИХ: Какие Вы еще поручения выполняли, связанные с антисоветской деятельностью ТУХАЧЕВСКОГО?

Подсудимый ПУТНА: Других поручений не было.

Председательствующий тов.УЛЬРИХ: Вы организовали встречу с СЕДОВЫМ?

Подсудимый ПУТНА: Да, я организовал по просьбе ТУХАЧЕВСКОГО встречу с СЕДОВЫМ.

Председательствующий тов.УЛЬРИХ: Какие у Вас были связи с японской разведкой?

Подсудимый ПУТНА: Хотя я имел такое поручение, мне этого сделать не удалось. Положение командующего Приморской группой не позволяло сделать это незаметным образом, а посредника, который мог бы это осуществить, я не имел.

Председательствующий тов.УЛЬРИХ: Не выполнили только потому, что не нашли людей?

Подсудимый ПУТНА: Да.

Тов.БЛЮХЕР: У меня есть два вопроса к подсудимому ПУТНА. Вы имели поручение на связь с японским генеральным штабом. Ведь Вы это поручение могли выполнить в 1933 году при встрече с проезжавшим японским послом. Вы помните это поручение?

Второе. Суду известно, что в Приморье были люди, через которых вы легко могли связываться с японским командованием. Непонятно, почему Вы это скрываете?

Подсудимый ПУТНА: Такая возможность, о которой говорит здесь БЛЮХЕР, имелась у меня в 1932 году, но я тогда не имел прямой директивы на пораженчество. Эта встреча с японским послом была в 1932, а не в 1933 году - с генералом МАЦУИ на участке Чита 2-я. Содержание этой встречи мною было доложено Вам (БЛЮХЕРУ) и донесено в Москву, но в этой обстановке, в присутствии двух лиц, я с МАЦУИ ни о чем не говорил.

Если бы директива пораженчества, полученная в июле 1933. года, была бы мной получена в 1932 году, то я воспользовался бы этой встречей с МАЦУИ. Но так как прямого задания я не имел, то этой встречей не догадался воспользоваться.

Тов.БЛЮХЕР: Точно, когда произошла встреча с МАЦУИ?

Подсудимый ПУТНА: Это было в первых числах августа 1932 года.

Тов. ДЫБЕНКО: ГОФМЕЙСТЕР является Вам близким человеком, начиная с 1929 года?

Подсудимый ПУТНА: Нет, с 1930 года.

Тов. ДЫБЕНКО: Вы можете припомнить разговор о том, что ГОФМЕЙСТЕР являлся весьма близким человеком подсудимому УБОРЕВИЧУ?

Подсудимый ПУТНА: ГОФМЕЙСТЕР занимал такое место, что он осуществлял официальные связи с Красной армией. Поэтому он весьма часто сносился с командирами Красной армии, которые длительно бывали в Германии.

Тов. ДЫБЕНКО: Нет, Вы особенно подчеркнули, что у ГОФМЕЙСТЕРА, генерала АДАМА особой любовью пользовался УБОРЕВИЧ. Вы считаете, что эта простая любовь или связь?

Подсудимый ПУТНА: В теперешних условиях я могу подозревать, что это было взаимным пониманием на почве совместного сотрудничества, как шпионов.

Тов. ДЫБЕНКО: По заданию германского генерального штаба Вы давали аттестацию приезжавшим в Германию командирам?

Подсудимый ПУТНА: Я давал характеристики, которые германское командование просило на командиров, остающихся в Германии на продолжительный период времени.

Тов. ДЫБЕНКО: И Вы считали необходимым показать их в роли неприглядной?

Подсудимый ПУТНА: До 1933 года у меня такой установки не было.

Тов. ДЫБЕНКО: Значит, можно считать, что УБОРЕВИЧ свою шпионскую деятельность начал с 1929-30 года?

Подсудимый ПУТНА: Конкретных фактов я не знаю. Знаю только блестящие отзывы о нем со стороны полковника КЮЛЛЕТА и майора ...

Тов. УЛЬРИХ: Ваши показания от 29-го мая о Вашей связи с участником параллельного центра РАДЕКОМ и другими Вы подтверждаете?

Подсудимый ПУТНА: Подтверждаю.

Тов. УЛЬРИХ: Ваши разговоры с ДРЕЙЦЕРОМ и РАДЕКОМ Вы подтверждаете?

Подсудимый ПУТНА: Подтверждаю.

Тов. ДЫБЕНКО: Скажите, подсудимый ПУТНА, для какой цели Вы создали провокацию по отношению БЕЛОВА?

Подсудимый ПУТНА: Я этого не создавал.

Я должен заявить Суду, что этот один факт ни в какой мере не умаляет моей виновности, ибо ее у меня так много, что этот отдельный эпизод несколько не изменил бы моей ответственности. Но в инциденте с БЕЛОВЫМ с моей стороны никакой провокации не было.

Тов. БУДЕННЫЙ: Каким путем и откуда Вы доставали оружие для вооружения террористических групп троцкистской организации?

Обвиняемый ПУТНА: Организационно-техническую сторону этого дела военная организация ставила таким образом, что террористическими актами будут заниматься отдельные командиры, которые имеют оружие.

Тов.БУДЕННЫЙ: Из-за границы оружие доставлялось?

Подсудимый ПУТНА: Мелких партий оружия я не получал.

Тов.БЛЮХЕР: В бытность Вашу командующим Приморской группой у Вас была организована троцкистская военная организация в войсках или нет?

Подсудимый ПУТНА: Позвольте мне развернуто ответить.

Председательствующий тов.УЛЬРИХ: Отвечайте пока кратко, а там будет зависеть от ответа.

Подсудимый ПУТНА: Я поехал туда, как представитель троцкистского центра. Тогда о существовании об'единенного центра мне не было известно. В связи с тем, что в Москве я не мог получить через ДРЕЙЦЕРА никаких директив, то, поговорив с ним, я взял такую установку: будучи командующим я не мог рисковать и заниматься вербовкой отдельных членов. Я вовлекал лиц, к которым у меня имелось заранее доверие. В таком порядке я вовлек в эту деятельность ЛАПИНА. Что касается другой части начальствующего состава, то мои установки строились на том, что надо завоевывать доверие хорошим отношением к командному составу, чтобы можно было в лучшем случае на них положиться. А подлинным вербовщиком являлся ЛАПИН.

Тов.БЛЮХЕР: И больше никто?

Подсудимый ПУТНА: Я вел разговоры с ГРОДЗЕНСКИМ.

Тов.БЛЮХЕР: Из военных больше ни с кем кроме ЛАПИНА?

Подсудимый ПУТНА: Я вовлек ГРОДЗЕНСКОГО и КЛЫШЕЙКО и поручил ААПИНУ конкретно поставить перед ними задачи.

Тов. БЛЮХЕР: Когда это произошло?

Подсудимый ПУТНА: Это произошло весной 1934 года.

Тов. БЛЮХЕР: С кем Вы были связаны из троцкистов в краевом центре. Входили ли Вы в состав краевого центра?

Подсудимый ПУТНА: Я знал, что в центре работает МРАЧКОВСКИЙ. Мне было известно, что он входит в общий троцкистский центр, но не пришлось с ним ни разу встретиться. Когда я приезжал в Москву в 1933 году, его в Москве не было. Когда я проезжал обратно, его опять не было, и я с ним связи не мог установить.

Тов. БЛЮХЕР: С другими троцкистами из гражданских организаций Вы были связаны?

Подсудимый ПУТНА: Я не знал, кто там персонально имеется и не мог установить.

Тов. БЛЮХЕР: Уезжая с Дальнего Востока, кому Вы передали руководящую роль в организации?

Подсудимый ПУТНА: Еще до от'езда с Дальнего Востока, как Вы прекрасно знаете, в тех тенденциях тренений, которые я против Вас развивал, я ощутил неожиданную поддержку со стороны САНГУРСКОГО, которого я долго знал и прямо заявляю, что его поддержка была для меня неосжи-

данной. Так как я САНГУРСКОГО давно знал, то считал возможным раз'яснить ему в каких целях я действую, пытаюсь дискредитировать Вас. Это его ни мало не удивило, я ему сказал, что я действую в пораженческих целях, что сосредоточение оперативной власти на Дальнем Востоке в одних руках затруднило мои действия, как участника организации и что с этой точки зрения было бы выгодно рассечение этой власти, разукрупнение ОКДВА, хотя бы на 2 или 3 округа.

Первоначально я ощутил помощь со стороны САНГУРСКОГО, а затем я докладывал эти вопросы ГАМАРНИКУ. Я не допускал участие ГАМАРНИКА в троцкистской организации но он меня поддержал и в 1934 Году, когда он приезжал на Дальний Восток, он сказал, что мой доклад о том, что надо раз'единить ОКДВА, он поставит в Москве.

Мое открытие насчет САНГУРСКОГО вскрыло, что он ценный для нас человек. Он был близким, доверительным человеком у Вас и нам не хотелось это место терять, поэтому он был весьма двуличным.

Временами казалось, что он Вас защищает, а временами выступал против Вас.

Так как ЛАШИН неглухой человек, я считал его способным возглавить организацию на Дальнем Востоке. Не имея, правда, на это полномочий, уезжая с Дальнего Востока я сказал ЛАШИНУ, что уезжая, поручаю ему это дело, но т.к.

считал, что САНГУРСКИЙ уже привлеченный нами человек, то рекомендовал ЛАПИНУ решать вопросы, так сказать коллегиально, т.е. совместно с САНГУРСКИМ.

Вот какое положение было с троцкистской пораженческой деятельностью на Дальнем Востоке в момент моего от'езда.

Тов. БЛЮХЕР: Не выражали ли Вы в ряде документов оперативного характера, которые представляли командованию ОКДВА Ваши желания о пораженчестве. Это по вопросу о Гротовиках (укрепленный район) и о "Свинячьем Писке", все это носило уже тогда характер пораженческой троцкистской работы.

Подсудимый ПУТНА: Все оперативные документы, мною представляемые, не отражали пораженческих установок. Я считал, что это было бы очень примитивно и для компетентного человека вскрыло бы пораженческие установки. Я в своих показаниях дал сам оценку обстановки, которая заключалась в том, что соотношение сил, подготовка театра, особенно подготовка дорог и транспорта - все благоприятствовало японцам. Когда строили укрепленные районы, я видел целый ряд дефектов в установках, принятых в основу строительства. Скажем, слишком повсеместная линейность, плоскостность укреплений и т.д. По службе я обязан был обратить на это внимание и стараться исправить

эти дефекты, а я оттягивал готовность этих укрепленных районов. Пораженческая тенденция была отражена в торможении по устранению недостатков, которых там было очень много. Я считал, что поражение на Дальнем Востоке обеспечено, главным образом, по Приморью. Поэтому в беседе с ТУХАЧЕВСКИМ в Лондоне, когда он развернул картину пораженческих замыслов по Западу, я в противовес ему сказал, что на Дальнем Востоке поражение будет обеспечено, если дефекты не будут устранены. Я могу их если нужно перечислить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый ПРИМАКОВ показания, которые Вы давали в мае и июне мес. этого года органам НКВД, Вы подтверждаете? Подтверждаете Вашу троцкистскую анти-советскую работу?

Подсудимый ПРИМАКОВ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В частности подтверждаете Ваши показания о подготовке террористического акта троцкистскими деятелями?

Подсудимый ПРИМАКОВ: Такого показания я не давал. Я давал показания о подготовке вооруженного восстания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вам ничего не известно о подготовке террористического акта над ВОРОШИЛОВЫМ?

ПРИМАКОВ: Мне известна общая установка, данная группе ДРЕЙЦЕРА о подготовке теракта.

Председатель: Вам не было известно, кому было поручена подготовка теракта?

ПРИМАКОВ: Мне не было известно, кому была поручена подготовка и какой характер должна носить террористическая группа ДРЕЙЦЕРА, потому что, когда я узнал об этой установке, я получил установку перейти на другую работу по подготовке вооруженного восстания и законспирировать мою работу от старых троцкистских кадров и от группы ДРЕЙЦЕРА.

Председатель: Вам было известно, что центр организации, в который вы входили, подготавливает теракты против руководства партии и правительства.

Эту установку вы разделяли?

ПРИМАКОВ: Я об этой установке знал. По поводу этой установки у меня был спор с ПЯТАКОВЫМ, но эту установку я принял и не пошел о ней кому-либо сообщать.

Председатель: О том, что отдельные участники готовили террористические акты вам было известно?

ПРИМАКОВ: Нет, не было.

Председатель: О ШМИДТЕ и КУЗЬМИЧЕВЕ не было известно?

ПРИМАКОВ: Нет.

Председатель: Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ, что вам известно о подготовке теракта в отношении ВОРОШИЛОВА?

ТУХАЧЕВСКИЙ: В разговоре с ПРИМАКОВЫМ я узнал, что ТУРОВСКИЙ и ШМИДТ организуют террористическую группу в отношении ВОРОШИЛОВА на Украине. В 1936 году из разговоров с ПРИМАКОВЫМ я понял, что он в Ленинграде организует такую же группу.

Председатель: Вы слышите показания ТУХАЧЕВСКОГО?

ПРИМАКОВ: Ничего, кроме организации вооруженного восстания мной не проводилось.

Председатель: Нас интересует, какие задания вы имели от троцкистской военной организации в отношении организации этого восстания в Ленинграде и в связи с этим задания о подготовке теракта.

ПРИМАКОВ: Я имел следующую основную установку: до 1934 года я работал главным образом, как организатор, над собиранием троцкистских кадров. В 1934 году я получил установку от ПЯТАКОВА порвать связи с группой ДРЕЙЦЕРА и старыми троцкистами, которым поручена подготовка террористических актов, а мне самому подготавливать в том округе, где я буду работать, поднятие вооруженного восстания, которое будет вызвано либо террористическим актом, либо военным действием. Это задача была мне поручена. Эту задачу военно-троцкистский центр считал очень важной и мне эта важность была подчеркнута. Мне было сказано, чтобы я порвал личное зна-

комство со старыми троцкистами, с которыми я был связан. Вот причина, почему я отошел от группы ДРЕЙЦЕРА, вот почему я работал над той задачей, которая была мне поручена.

т.УЛЬРИХ: Какая группы вами была создана для совершения терактов или для вооруженного восстания. В вашем показании имеется следующая фраза "...Целью создания террористической группы... в Москве..." О каких группах вы говорите?

Подсудимый ПРИМАКОВ: Эта группа командиров, о которых мне было известно, что каждый из них должен был поднять вооруженное восстание.

т.УЛЬРИХ: Для чего эти группы создаются? Кто должен был заниматься подготовкой этих актов?

ПРИМАКОВ: Теракты готовила группа ДРЕЙЦЕРА. Состав группы ДРЕЙЦЕРА был мною назван.

Если вам угодно, я могу повторить. В составе группы ДРЕЙЦЕРА остались следующие связанные с ДРЕЙЦЕРОМ лица: ТУРОВСКИЙ, ЗЮК, КУЗЬМИЧЕВ, ШМИДТ, в дальнейшем МРАЧКОВСКИЙ, ПУТНА, затем из "ВЫСТРЕЛА" - ЛИОНОВ, из бывших военных БРОЙДО, БУЛАТОВ, ОХОТНИКОВ. Вот постоянные близко связанные с ДРЕЙЦЕРОМ люди. Еще, кроме того, ГРОДЗИНСКИЙ, ЭСТЕРМАН - группа, которая должна была участвовать в террористической работе. Мне было сказано, чтобы я с этой группой прекратил всяческие отношения...

Председатель: В целях конспирации?

Подсудимый ПРИМАКОВ: Для того, чтобы энергичнее и зlostнее работать по подготовке вооруженного восстания в Ленинграде.

Председатель: Значит, вы отошли от группы ДРЕЙЦЕРА не потому, что вы были против террора, а потому, что нужно было законспирироваться.

Подсудимый ПРИМАКОВ: Я не считаю себя в праве, на суде, в этом деле оправдываться. Я отошел от группы ДРЕЙЦЕРА потому, что мне дано было поручение по подготовке вооруженного восстания.

Председатель: А не потому, что вы были не согласны с методами действия этой группы?

Подсудимый ПРИМАКОВ: Эта была причина не основная. Основное было то, что мне была дана другая задача.

Председатель: От кого эту задачу вы получили?

Подсудимый ПРИМАКОВ: От ПЯТАКОВА.

Председатель: В каком году вы это задание получили?

Подсудимый ПРИМАКОВ: Общую директиву получил тогда, когда работал на Северном Кавказе.

Председатель: Мне неинтересно где вы работали, в каком году это было?

Подсудимый ПРИМАКОВ: В 1934 г., во время партийного с"езда.

Председатель: При чем тут партийный с"езд?

Подсудимый ПРИМАКОВ: Во время партийного с"езда, в

кулуарах с"езда были разговоры.

Председатель: С кем вы связались в Ленинграде?

Подсудимый ПРИМАКОВ: Я работал на Северном Кавказе, а затем в Москве. На Северном Кавказе я связался с КИЛЬВЕЙНОМ и затем завербовал СМОЛИНА. После перевода в Москву, связался опять со СМОЛИНЫМ, ОЛЬШАНСКИМ и КАЗАНСКИМ. Затем через ФЕЛЬДМАНА установил связь с организацией ТУХАЧЕВСКОГО, выяснил состав организации и зиму работал с этой организацией. С назначением в Ленинград занялся задачей организации восстания в Ленинграде, опираясь, главным образом, на 7 механизированный корпус в Ленинграде, на зенитную дивизию в Ленинграде и на 25-ю артиллерийскую дивизию в Пскове. Вот части, на которые я ориентировался в эти годы.

Председатель: А людей удалось завербовать в Ленинграде из руководства частей?

Подсудимый ПРИМАКОВ: Я в Ленинграде часть людей завербовал, с частью людей получил связь, часть людей из Ленинграда перевел в другие места. Командира корпуса ШМИДТ я должен был назначить командиром 7-го корпуса, я добился перевода ТУХАЧЕВА. Я договорился с ЗЫБИНЫМ в Пскове и мог на него рассчитывать во время восстания. Я почти закончил подготовку командира 19-го корпуса ДОБРОВОЛЬСКОГО, с которым мы только организа-

ционно не договорились, а так он разделял наши настроения.

Тов. ДЫБЕНКО: А как в отношении начальника штаба округа?

Подсудимый ПРИМАНОВ: С ФЕДОТОВЫМ я прямо не договорился, но я подал заявление следователю, что все признаки, которыми я располагаю о нем, говорят, что он участник организации ТУХАЧЕВСКОГО. Но прямо я с ним не договорился, потому что он очень осторожен.

Председатель: В 1935-36г. с кем вы были связаны:

Подсудимый ПРИМАНОВ: В 1935 и 1936 году встречался с ТУХАЧЕВСКИМ. В 1936 году приезжал в Ленинград НОРИ. Мы с ним виделись. В начале 1935 года с ФЕЛЬДМАНОМ, и, когда я приехал в Ленинград разговаривал с ГАРЬКАВЫМ, затем сохранил свою троцкистскую связь с ПЯТАКОВЫМ, с которым виделся весной.

Председатель: Вы систематически поддерживали связь с руководством военного центра и параллельно троцкистского центра?

Подсудимый ПРИМАНОВ: Я в основном поддерживал связь с ПЯТАКОВЫМ. Остальные связи - связь с ТУХАЧЕВСКИМ была для меня связью не основной и не развитой.

Мы напрямую с ТУХАЧЕВСКИМ разговаривали очень редко, а с ПЯТАКОВЫМ разговаривал напрямую.

Председательствующий тов.УЛЬРИХ: - О чем Вы разговаривали с ТУХАЧЕВСКИМ по вопросу антисоветской деятельности?

Подсудимый ПРИМАКОВ: - Прямо разговаривали как участники организации. Разговор шел, главным образом, о кадрах, которые нужно было создать в генеральном штабе, в частности, в моем аппарате в академии и, во-вторых, когда я был в Ленинграде, мне нужны были кадры для подготовки вооруженного восстания. При чем он знал, что мне нужно перевести нужные кадры в Ленинградский военный округ, главным образом, механизированные войска.

Был еще разговор с ТУХАЧЕВСКИМ, когда я говорил, что в Ленинграде я получил новое назначение командующего армией вторжения и сейчас главную работу свою строю с тем, чтобы добиться авторитета в новой группе войск, чтобы они шли за мной в случае восстания. Я сохранил новую директиву подготовить войска в Пскове на границе.

Председательствующий тов.УЛЬРИХ: - Как Вы предполагали произвести восстание в Ленинграде?

Подсудимый ПРИМАКОВ: - Я предполагал произвести восстание в Ленинграде следующим образом: я считал, что в Ленинграде могу располагать 7-м мех. корпусом. Если бы не удалось перевезти туда ШМИДТУ известную часть людей для захвата Смоль-

ного и правительства, вывести часть зенитных морских войск и часть авиадессантных бригад, во главе которых стоял КОХИНСКИЙ. Это была сила, с которой я мог захватить Ленинград.

Председательствующий тов.УЛЬРИХ: - С кем Вы предполагали воевать в Ленинграде?

Подсудимый ПРИМАКОВ: - Это было изменческое вооруженное восстание против родины и правительства.

Председательствующий тов.УЛЬРИХ: - С кем Вы предполагали воевать в Ленинграде?

Подсудимый ПРИМАКОВ: - Я предполагал воевать против тех пехотных частей, которые оставались верными правительству, против войск ОГПУ и самого ОГПУ, против милиции, против всех войск, которые оставались бы верными правительству.

Председательствующий тов.УЛЬРИХ: - Для кого Вы собирались воевать? Кто у вас был хозяином?

Подсудимый ПРИМАКОВ: - Для ТРОЦКОГО и троцкистского центра.

Председательствующий тов.УЛЬРИХ: - Хозяин то кто у вас был, немцы?

Подсудимый ПРИМАКОВ: - О немцах я не знал до суда.

Председательствующий тов.УЛЬРИХ: - Как Вы предполагали

поступить в случае об'явления войны СССР Германией?

Подсудимый ПРИМАКОВ: - Мне было приказано захватить Ленинград в пользу троцкистов.

Председательствующий тов.УЛЬРИХ: - Если-бы Германия воевала с СССР - в пользу кого-бы Вы захватили?

Подсудимый ПРИМАКОВ: - В пользу Германии.

Тов.БЕЛОВ: - Подсудимый ПРИМАКОВ,какая была связь в Ленинграде с гражданскими работниками?

Подсудимый ПРИМАКОВ: - Я сознательно не связывался с гражданскими работниками потому, что мне нужно было завоевать авторитет и доверие, и я мог легко провалиться со связью с гражданскими работниками, а при моей задаче - пользы от них я не мог получить.

Тов.БЕЛОВ: - Если Вы стараетесь говорить правду, то Вы должны сказать, почему Вас в Ленинграде сразу окружили известной симпатией?

Подсудимый ПРИМАКОВ: - Я говорю абсолютную правду и это правда, что у меня в гражданских кругах Ленинграда связей не было. Я от них был совершенно изолирован. Это делалось в целях конспирации, так как я должен был законспирированно готовиться к восстанию и не допускать никаких лишних связей.

Тов. БЕЛОВ: — Какие связи передал Вам ГАВРИШЕНКО?

Подсудимый ПРИМАКОВ: — Гражданских связей никаких. Военные — БАХАЙСКОГО в мехкорпусе и КОХАНСКОГО. ГАВРИШЕНКО бежал с большой поспешностью. Он очень определенно говорил относительно БАКШИ, но из Москвы я никаких данных о нем не имел. На его место предполагался ШМИДТ. Поэтому я раздувал всякие ошибки БАКШИ для того, чтобы его выставить и чтобы ШМИДТ пришел вместо него.

Тов. БЕЛОВ: — С кем из политработников Вы были связаны в Ленинграде?

Подсудимый ПРИМАКОВ: — С политработниками я связан не был. Я назвал на следствии почти 70 человек командного состава, с которыми я вообще был связан по моей троцкистской работе. Среди них политработников нет, потому что я с этой категорией людей связан не был.

Тов. БЕЛОВ: — Был ли завербован Вами комдив КАРПОВ?

Подсудимый ПРИМАКОВ: — Нет, КАРПОВ мною завербован не был. Я одно время думал, что КАРПОВА смогу завербовать. Пытался это сделать еще на Урале, где он работал, но мне это не удалось. Я повторил вербовочную работу с ним во Пскове. Как раз в самый разгар моих с ним разговоров у него случилась история с партийным билетом, которая его так напугала, что он

не стал разговаривать ни о каких партийных делах; о политике с ним разговаривать нельзя было.

Тов. БЕЛОВ: - А когда Вы завербовали ЗЫБИНА?

Подсудимый ПРИМАКОВ: - Это было в 1936 году - зимой или весной.

Тов. КАПИРИН: - Подсудимый ПРИМАКОВ, проводили ли Вы во время нахождения на Северном Кавказе подготовку повстанческого движения среди донского казачества?

Подсудимый ПРИМАКОВ: - Нет, я на Северном Кавказе делал следующую работу: я искал связей среди командного состава, через которые мог бы опереться на кубанское казачество. Я установил, что командиры КИЛЕВЕЙН и КОВАЛЕВ имеют связи среди кубанского казачества. КИЛЕВЕЙНА я завербовал, а КОВАЛЕВА не успел, но из разговоров с ним я убедился, что он человек контрреволюционный и тесно связан с казачеством.

Председатель тов. УЛЬРИХ объявляет перерыв на 15 минут.

Тов.УЛЬРИХ: Заседание продолжается. Подсудимый ФЕЛЬДМАН; показания, которые вы давали 19,21,23 мая и в начале июня вы все подтверждаете?

Подсудимый ФЕЛЬДМАН: Так точно, все подтверждаю. Я просил бы, гр-н председатель, позволить мне вкратце (я долго не буду задерживать Вашего внимания) рассказать то, что мне известно, как члену центра, то что я делал. Я думаю это будет полезно, не только суду, но и всем тем командирам, которые здесь присутствуют.

Тов.УЛЬРИХ: Пожалуйста, только покороче.

Подсудимый ФЕЛЬДМАН: Я был вовлечен в центр контр-революционной военной троцкистской организации в 1932 году летом ТУХАЧЕВСКИМ. Обработка моя началась в Ленинграде, когда ТУХАЧЕВСКИЙ командовал округом. ТУХАЧЕВСКИЙ тогда создал в Ленинграде "школу" куда приезжали учиться тактике. ТУХАЧЕВСКИЙ вел со мной неоднократные разговоры о недовольстве ВОРОШИЛОВЫМ, о том, что его затирают, что его сняли с должности начальника штабом РИКА и послали в Ленинград. Когда я прибыл в Москву на должность начальника Главного управления, ТУХАЧЕВСКИЙ продолжал вести со мной эти разговоры. Встречаясь по служебной линии, он говорил, что, несмотря на то, что он стал заместителем Наркома обороны, к нему отношение осталось нехорошее, что его от ряда вопросов отстраняют, что он недоволен своим положением. Затем он повел разговоры на политические темы, внушая мне неверие в колхозное строи-

тельство и указывая на большие трудности, которые испытывает наша страна.

Раз я не взял его за шиворот сразу, то стал "своим человеком". Летом 1932 года ТУХАЧЕВСКИЙ рассказал мне о существовании контрреволюционной организации, которая находится еще в стадии формирования, собирания сил и возложил на меня большую задачу: собрать эти силы, создать эти кадры для расширения сети этого контрреволюционного заговора. Это было в 1932 году. Я помню отлично, что более подробно мы говорили накануне поездки в Германию. (ТУХАЧЕВСКИЙ был главой делегации). Речь шла о свержении советской власти, путем вооруженного восстания и если это не удастся в мирное время, то взять ставку на заминки на фронте, которые могут вызвать внутри страны вооруженные выступления. Методы работы - поддержка троцкистских кадров, поддержка тех командиров, которые ранее принадлежали к троцкистской или зиновьевской оппозиции, из среды которых легче вербовать людей; расстановка людей на соответствующие посты, чтобы овладеть в округах командными высотами; установка на снижение темпов боевой подготовки через тех командиров, которые работают в нашей организации; вредительство в области развития вооружения рабочей-крестьянской Красной армии.

Вот то, о чем в 1932 году в общих чертах говорил мне глава заговора ТУХАЧЕВСКИЙ.

Когда я позже спросил ТУХАЧЕВСКОГО, есть ли у него какие нибудь кадры, он ответил, что уже есть люди, окончательно ставшие на нашу сторону, на которых можно полностью рассчитывать, назвав: ПУТНА, ПРИМАКОВА, ТУРОВСКОГО, ЗЮКА, ВАСИЛЕНКО, ПОТАПОВА (из инженерного управления), что он уже установил полную связь с начальником А.У.ЕФИМОВЫМ.

На вопрос, кто же тобой руководит? Сам ты вождь, сам хозяин, или кто-то направляет твою работу? Он ответил мне, что направляет его работу Троцкий, с которым он поддерживает связь, но пока не указал источника этой связи. ТУХАЧЕВСКИЙ добавил, что директива ТРОЦКОГО говорит о том, что работу военной организации нужно вести сугубо самостоятельно, ни в коем случае не связывая с теми антисоветскими группировками, которые существуют в нашей стране среди гражданских организаций.

В 1933 году мы с Михаилом Николаевичем часто виделись по служебным делам и говорили по делам нашего центра. Я информировал его о том, что начинаю уже делать конкретную работу, намечаю и изучаю людей, чтобы вербовать их. Когда я назвал ему две фамилии САВИЦКОГО, на которого я возлагал большие надежды, как на начальника Управления, и МАКСИМОВА, и еще ряд других, он мне ответил, что это очень хорошо, но что это все-таки недостаточно большие фигуры. Я сказал ему, что насчет более крупных фигур мне трудно, на что он ответил, что намечает по вовлечению в организацию ЯКИРА, ЭЙДЕМАНА, УБОРЕВИЧА, и что уже вовлек КОРКА.

Я интересовался также (я считал себя не последней спицей в колеснице и неся ответственность, хотел все знать) у ТУХАЧЕВСКОГО несколько раз о его связи с гражданскими контрреволюционными организациями. Только в 1933 или начале 1934 года он мне сказал, что поддерживает связь с ПЯТАКОВЫМ.

Связь с ПЯТАКОВЫМ помогала осуществлять вредительство в области артиллерийского вооружения с точки зрения занижения наших заказов. ТУХАЧЕВСКИЙ также намекнул, что вот и с правыми есть связь. На мой недоуменный вопрос - как с правыми? откуда? Я же знаю, что ТРОЦКИЙ руководит заговором, ТУХАЧЕВСКИЙ ответил, что сейчас грань между правыми и троцкистами стерлась, и раз это полезно для общего дела, почему же не иметь связи и с правыми.

Я буду ниже говорить о своей практической работе, а сейчас остановлюсь на таких фактах:

Когда в 1933-34 г. пришел к власти ГИТЛЕР, нам была дана официальная установка подчеркивать на банкетах охлаждение к немцам. ТУХАЧЕВСКИЙ же говорил мне, что по директиве ТРОЦКОГО, ему необходимо дать знать немцам, что его отношение к рейхсверу осталось таким же хорошим, как и раньше. ТУХАЧЕВСКИЙ поручил взять на себя эту миссию, но я ответил, что для "дипломатической" роли не подхожу. Тогда он поручил это ЭЙДЕМАНУ, сказав, что

последний вполне подойдет, т.к. он знает хорошо немецкий язык, бывал в Германии, является представителем крупной общественной организации и его заявление для немцев будет иметь большой вес.

Второй интересный факт. В процессе доклада ТУХАЧЕВСКОМУ о людях, которых мне удалось завербовать (я их после перечислю) я ему доложил, что завербовал начальника школы ВЦИК ЕГОРОВА. Он мне сказал, что это очень хорошо, спросив меня, волевой ли и решительный ли человек ЕГОРОВ. Я сказал, что насчет этих качеств - ЕГОРОВА бог обидел, и спросил - почему он так заинтересовался ЕГОРОВЫМ? ТУХАЧЕВСКИЙ пояснил мне, что ЕГОРОВ, как начальник школы ВЦИК, находящейся в Кремле, сможет подобрать настоящую группу людей и, таким образом, вопрос о смене советской власти мог бы решаться "дворцовым переворотом". Далее хочу перейти к такому факту. В 1934 г., в одну из бесед с Михаилом Николаевичем, он сказал, что надо оживить работу, что она очень медленно движется, главным образом в части вербовки. Михаил Николаевич сказал, что если бы удалось перевести в Москву ПРИМАКОВА, человека активного, для нас это было бы очень хорошо. В мае или в июне 1934 г. ПРИМАКОВА удалось перевести в Москву. Мы с ним несколько раз встречались, были у ТУХАЧЕВСКОГО, информировали его о работе и получали от него установки, в частности ПРИМАКОВ получил установку развернуть контрреволю-

ционную работу в академии.

Присмотревшись к людям, прощупав некоторых, я завербовал САВИЦКОГО - начальника командного управления. В 1934г. я завербовал АПОТУ - начальника 3-го Отдела Управления Штаба РККА. Завербовал МАКСИМОВА из инженерного управления, ОЛЬШЕВОГО, который предназначался в автобронетанковое управление, завербовал ЕГОРОВА, СМОЛИНА и ряд других, о чем я показывал. В 1935г. в связи с делением и формированием новых округов при моей поддержке и при поддержке других участников заговора выскочил на должность командующего войсками ГАРЬКАВЫЙ, а ТУРОВСКИЙ - на должность заместителя командующего войсками Харьковского военного округа, ПРИМАКОВ - на должность зам.командующего войск Ленинграда, а КУТЯКОВ - зам.командующего войск Приволжского округа. ТУХАЧЕВСКИЙ был этим весьма доволен, сказав: "вот это усиление". В одном округе свой командующий, в трех округах заместители свои люди, а в Московском округе - свой человек КОРН. Тогда, Михаил Николаевич (не помню был ли при этом ПРИМАКОВ) наметил организационную структуру заговора, т.к. нельзя было более обходиться без организационной системы. ТУХАЧЕВСКИЙ набросал такую организационную структуру.

В Москве - ТУХАЧЕВСКИЙ, ФЕЛЬДМАН, ПРИМАКОВ, ЯКИР, ЭЙДЕМАН. Это - центр. На местах же - двойки - тройки. Тоже - в дивизиях и полках.

По вопросу о снижении темпов боевой подготовки ТУХАЧЕВСКИЙ тут уже говорил и все Вы об этом знаете. Наши соучастники, которые сидели в округах, дивизиях, частях всячески тормозили боевую подготовку, а в центре - большую работу проделал инспектор пехоты ВАСИЛЕНКО, который работал под руководством нашего руководителя ТУХАЧЕВСКОГО и провел в армии систему очковтирательства.

По вопросу относительно вооружения. Михаил Николаевич проводил работу по вооружению на занижение наших заказов, это - раз. Он был связан по этому вопросу с ПЯТАКОВЫМ, второе - это с дивизионной пушкой, где было допущено вредительство.

По вопросу относительно химии. Когда мне Михаил Николаевич давал указания на вербовку людей, он особенно подчеркнул необходимость вербовать двух человек: ФИШМАНА — начальника Химуправления и ЛЕВИЧЕВА. ЛЕВИЧЕВА я не завербовал потому, что он очень сильно заболел и уехал за границу, а ФИШМАНА мне не удалось завербовать, но я считаю, что его завербовал Михаил Николаевич непосредственно.

Должен вернуться к директивам Троцкого. В дальнейшем, когда от первых установок ТРОЦКОГО, о которых мне сообщил Михаил Николаевич, он перешел к подготовке поражения Красной армии, он мне сказал, что это делается по новой директиве ТРОЦКОГО, добавив, что все средства хороши в борьбе за достижение своей цели, в борьбе против советской власти.

Тут я должен сказать суду, что мои участники, бывшие мои коллеги, если можно так выразиться, очень щепетильны в своих показаниях о терроре и шпионаже.

Гражданин ПРИМАКОВ, вот вы говорите, что кроме вооруженного восстания в Ленинграде, вы ничего не предпринимали. Странно, что Вы не стесняетесь говорить о вооруженном восстании с потоплением в крови многих тысяч рабочих и крестьян и колхозников, а сказать о терроре и полным ртом Вы не можете. ТУХАЧЕВСКИЙ мне сообщил в 1936 году, что во исполнение директивы ТРОЦКОГО о применении террора, в частности в отношении ВОРОШИЛОВА, он дал такое задание ПРИМАКОВУ в 1935 году.

ТУХАЧЕВСКИЙ знал, что в Киеве будут большие маневры осе-

195
нью 1935 г. и он дал задание ПРИМАКОВУ поехать в Киев и подготовить во время маневров террористический акт. ПРИМАКОВ ездил в Киев и подготовил ШМИДТА. И этот факт остается на нашей совести. Не вышло с терактом против ВОРОШИЛОВА на киевских маневрах, тогда надо перекантовываться на Ленинград, потому что Клемент Ефремович часто ездит и туда. И вот ПРИМАКОВ начинает перетягивать туда ШМИДТА и КУШАКОВА, озлобленного человека, но не удалось их перебросить в Ленинград, хотя и были уже подписаны контрольные листы - Нарком не подписал.

В 1935 году, на одном из дипломатических приемов, я встретился с КЕСТРИНГОМ. Он только что приехал на смену ГАРТМАНА и устроил маленький суарэ. В этот период шла переаттестация комсостава и он мне задал ряд вопросов, связанных с этим. На следующий день я сказал ТУХАЧЕВСКОМУ, что ГАРТМАН довольно двухсмысленно обращается ко мне с вопросами, и я понимаю, что это нужно для германского штаба. ТУХАЧЕВСКИЙ ответил мне на это так: "ГАРТМАН интересуется данными о системе подготовки запаса и о приписке его к дивизии, и ты это можешь ему сообщить, так как это пустяки по сравнению с теми данными, которые мы сообщаем. Я сообщил БОКЕЛЬБЕРГУ такие-то сведения, через АППОГА сообщил такие-то сведения и нужно тебе при встречах с ГАРТМАНОМ сообщать ему интересующие его данные". И вот, при следующей встрече с германским военным атташе, который опять заговорил по вопросу аттестации, я сообщил ему данные о

нашей системе приписки.

Разумеется, что хотя мои данные, по сравнению с теми, какие передавали немцам, японцам и полякам ТУХАЧЕВСКИЙ и другие, являются не особенно ценными, тем не менее я должен признать, что занимался шпионажем, ибо эти сведения были секретными.

Далее останавлиюсь на том, что Михаил Николаевич очень интересовался тремя вопросами:

Он очень интересовался насчет вовлечения в заговор политработников и несколько раз говорил мне, что нужно обязательно вовлечь политработников, и обязательно покрупнее. Я вовлек ВИНУКUROVA, ЛАРИОНОВА, КУЗЬМИНА. Когда я об этом сообщил ТУХАЧЕВСКОМУ, он сказал, что надо вербовать покрупнее и спросил меня насчет ОСЕПЯНА. Я сказал, что ОСЕПЯНА, по моему мнению, нельзя вербовать. На это он ответил, что сам займется этим вопросом.

Делу авиации Михаил Николаевич уделял большое внимание, и задачу вовлечения оттуда больших крупных людей он взял на себя. Вы ведь знаете, Яков Иванович, что авторитет ТУХАЧЕВСКОГО был велик ...

Тов. УЛЬРИХ: - ...подсудимый ФЕЛЬДМАН, нельзя ли без таких обращений!

Подсудимый ФЕЛЬДМАН: - ТУХАЧЕВСКИЙ вовлек ЛАВРОВА, с которым он работал, а ЛАВРОВ его информировал о вовлечении им БАЗЕНКОВА. Он давал им установки на замазывание аварийно-

сти воздушных сил, а через ЕФИМОВА, пока еще артиллерийское вооружение было в руках АУ, проводил вредительство по занижению обеспеченности авиации стрелковым оружием, пулеметами. В этом вопросе ТУХАЧЕВСКОМУ помогали ЛАВРОВ и БАЗЮКОВ.

О морских силах. КУРКОВ был мною вовлечен еще тогда, когда он должен был уехать в Черноморский флот, когда он ушел с работы Управления морских сил. Михаил Николаевич вовлек ЛУДРИ, с которым держал связь, а ЛУДРИ вовлек в заговор ПАНЦЕРЖАНСКОГО. Установки по морскому флоту были таковы: ослабление взаимодействия надводного с подводным флотом и ослабление готовности балтийского театра.

По вопросу относительно людей, вовлеченных мною, я все изложил в своих показаниях. Должен подчеркнуть, чтобы суд учел, что ТУХАЧЕВСКИЙ кое-что от отдельных членов центра скрывал. Это делалось, по-моему, для того, чтобы, во-первых, не очень многие знали, а, во-вторых, на случай провала, чтобы все-таки была возможность сохранить кадры, сохранить людей. Провалится, скажем, ПРИМАКОВ, остается ФЕЛЬДМАН; провалится ПУТНА, остается ЯКИР.

После начавшихся арестов, ТУХАЧЕВСКИЙ дал нам линию на

временное свертывание работы, на конспиративность, требуя во что бы то ни стало сохранить людей. Была установка ТУХАЧЕВСКОГО — если можно, людей переставить так, чтобы помочь им замести свои следы. Я показал, что группу участников организации при помощи командующих мне удалось переставить с одного места на другое для того, чтобы этих людей сохранить на будущее.

Таким образом, подводя итог, я должен сказать, что все, что мы делали, являлось действием, вытекающим из интересов фашистов и их агента ТРОЦКОГО, волю которых мы выполняли.

Были разговоры, как я выяснил, о дворцовом перевороте. Когда была налажена связь с ТРОЦКИМ через ПУТНА, переведенного в Лондон, начались разговоры о пораженчестве, появились методы террора, шпионажа — все это для того, чтобы свергнуть советскую власть, обеспечить приход к власти ТРОЦКОГО. У ТРОЦКОГО реальные силы, кроме тех, какие Вы здесь видите, не исчисляются тысячами и поэтому то, что диктовал ТРОЦКИЙ нам, это диктовалось немецким генеральным штабом. Так это я считаю и так мы должны сказать.

Придет ли ТРОЦКИЙ к власти вместе с РЫКОВЫМ или ЕНУКИДЗЕ, этот вопрос у нас не обсуждался и он не играл для нас роли. Важно было свергнуть Советскую власть.

Тов. БЛЮХЕР: Как крепко Вы потрудились в насаждении Ваших заговорщиков при тех огромных организационных развертываниях, которые имели место на Дальнем Востоке и, в частности, в какой мере сказалась Ваша работа в колхозном корпусе?

Подсудимый ФЕЛЬДМАН: По дальнему Востоку специально людей я не насаждал, т.к. средние и старшие звенья, как известно, обычно выделялись по нарядам округов. Для ОКДВА специально я ни одного человека не отбирал. Вы должны помнить, что большинство кандидатов всегда согласовывалось с Вами, всегда по телеграфу запрашивалось Ваше согласие. Единственное лицо, которое я перетянул на Дальний Восток - это ЗЮК, но Вы его оттуда скоро выгнали.

Если говорить о троцкистских кадрах по ДВК, то их было много, но членов заговора я лично не знал. Что касается ЛАПИНА и других, о которых здесь говорили, то они были назначены на Дальний Восток без моего участия.

Председательствующий тов. УЛЬРИХ: Вы очень мало сказали о своей связи с ГАМАРНИКОМ.

Подсудимый ФЕЛЬДМАН: В отношении связи с ГАМАРНИКОМ я лично ни слова не слышал и не знал, что ГАМАРНИК

состоит членом центра.

ГАМАРНИК вел такую линию в центральном аппарате, что я не мог догадаться, что он является моим сообщником.

ГАМАРНИК, когда приезжал с Дальнего Востока всегда плохо отзывался о дальневосточных делах и хвалил очень много САНГУРСКОГО.

Тов. КАШИРИН: Обвиняемый ФЕЛЬДМАН, в своих допросах Вы показали, что ТУХАЧЕВСКИЙ Вам сообщил, что близко к работе по заговору стояли такие работники как ШИФРИС, КОЖЕВНИКОВ и ЛАРИН.

Подсудимый ФЕЛЬДМАН: Я спрашивал ТУХАЧЕВСКОГО кого он из полит-работников знает и может завербовать. Он ответил, что находится в очень хороших отношениях с ШИФРИСОМ, КОЖЕВНИКОВЫМ и ЛАРИНЫМ, но насчет того, что они входят в организацию он мне не говорил и в моих показаниях этого нет. Он только сказал мне, что может их вовлечь в организацию, т.к. это очень близкие ему люди.

Председательствующий тов. УЛЬРИХ: Есть ли еще вопросы к подсудимому ФЕЛЬДМАНУ? н е т?

Тов. АЛКСНИС: Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ, ФЕЛЬДМАН назвал двух человек в центральном аппарате Военно-Воздушных сил, завербованных Вами: ЛАВРОВА и БАЗЕНКОВА. Вы подтверждаете это?

Подсудимый ТУХАЧЕВСКИЙ: Нет, не подтверждаю, я этих лиц не вовлекал. Мы рассчитывали, что придет ЯКИР, что он

будет начальником воздушных сил и, таким образом, аппарат будет в наших руках. ЛАВРОВА я лично не вербовал.

Тов. АЛКСНИС: Подсудимый ФЕЛЬДМАН, Вы подтверждаете, что ТУХАЧЕВСКИЙ Вам заявил, что им завербован ЛАВРОВ, который в свою очередь завербовал БАЗЕНКОВА.

Подсудимый ФЕЛЬДМАН: Да.

Тов. АЛКСНИС: Подсудимый УБОРЕВИЧ, Вы в своем слове указали о вербовке кадров для той работы, которую Вы вели по заданию своего центра, но ни в своих показаниях, ни на суде Вы не назвали ни одного авиационного командира, которого Вы вовлекли.

Подсудимый УБОРЕВИЧ: Ни одного авиационного командира в заговорческую вредительскую работу я не вовлекал.

Тов. БЛЮХЕР: Подсудимый ПУТНА, с кем на Дальнем Востоке Вы держали связь по гражданской линии из краевой головки троцкистов?

Подсудимый ПУТНА: Прямой связи по гражданской линии я не имел, по соображениям конспирации. Я знал только одного человека, знал, что он являлся членом общего центра троцкистов - МРАЧКОВСКОГО. Считал, что при случае смогу с ним встретиться, но встреч у нас с ним не было. Прямых разговоров по гражданской линии я не имел.

Тов. БУДЕННЫЙ: Подсудимый КОРК, Вы показали о том, что Вы проводили вредительство в тяжелой бомбардировочной авиации (низкий потолок, незначительная скорость и т.п.) через кого Вы проводили это вредительство? С кем

Вы были связаны?

Подсудимый КОРК: В своих показаниях я сказал, что при техническом оснащении Красной армии ТУХАЧЕВСКИЙ настаивал и добивался соответствующих результатов в деле быстрого развертывания авиационного строительства, количественного увеличения тяжелых самолетов, независимо от того, что боевое качество этих тяжелых самолетов было низкое (небольшая скорость, низкий потолок и т.д.). Иначе говоря, на вооружение Красной армии в массовом количестве вводились такие самолеты, которые быстро могли устареть, что фактически и получалось - с ТБ-1, ТБ-3. Лично я в этом деле участия не принимал. Кроме ТУХАЧЕВСКОГО я здесь никого не могу назвать. Знаю, что он был инициатором скорейшего массового производства этих самолетов, при отсутствии уверенности в том, что эти самолеты найдут боевое применение в предстоящей войне.

Тов. БЕЛОВ: Подсудимый УБОРЕВИЧ, какое вредительство проведено в Белорусском военном округе по дорожному строительству, по укрепленным районам и по строительству аэродромов?

Подсудимый УБОРЕВИЧ: По строительству аэродромов я никакого вредительства не проводил. По дорожному строительству - тоже, а по укрепленным районам, кроме перехода на новую организацию - ничего мною не делалось и никаких указаний я никому не давал.

Тов. ДЫБЕНКО: Вы считаете, что дороги, построенные под Вашим непосредственным руководством по Белоруссии проходимостью в 8 тонн и 10 тонн и дающие возможность проходить в строю только 4 являются пригодными и построены по стратегическим соображениям?

Подсудимый УБОРЕВИЧ: Дороги строились по техническим проектам московским, а не окружным. Были дороги, которые строились в 5 с половиной метров, как самые узкие, а потом стали строиться шире, причем это строительство шло до последних 2-х лет и я никаких вредительских указаний сам не давал, потому что тогда не стоял на этой позиции и не знаю кто вредил. Мне это совершенно неизвестно.

Тов. ДЫБЕНКО: Вы признаете, что это абсолютно негодные дороги, служащие пробкой для движения войск?

Подсудимый УБОРЕВИЧ: Они строились по прежним техническим условиям, как самые дешевые. Власть командующего в этом отношении была не достаточной. Влиять на это дело я не мог.

Тов. УЛЬРИХ об'являет перерыв на 10 минут.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Допрос подсудимых закончен. Об'являю следствие законченным. Переходим к последним словам подсудимых. ЯКИР, желаете воспользоваться правом последнего слова?

Последнее слово подсудимого ЯКИР.

Я, если разрешите, смогу сказать только два слова. Любой приговор, самый суровый приговор, будет не только

правильным, а будет мал по сумме тех громадных преступлений против родины, против партии, против народа, которые совершены мною.

Я уже сказал, что у меня была долгая, хорошая, честная жизнь до того момента, когда я провалился в пропасть, попал в руки врага, попал в руки самого гнусного из гнусных врагов, каких имеет передовое человечество, в руки убийцы, агента германского фашизма ТРОЦКОГО. Я хотел только одного, чтобы под конец, вынося этот суровый приговор, граждане судьи, с подавляющим большинством которых я долгие годы рядом работал и которые не могли не видеть правды в том, что я говорю о своей прошлой, преданной Советам, партии, армии и народу жизни, у них было совершенно ясное представление о том, что мне нечего скрывать от своего народа, от своего суда, что я в последнюю минуту своей жизни вернулся полностью, без всяких ограничений к своему народу, к своей партии, к Советской власти, к тому, чем я жил на протяжении громадной части своей сознательной жизни. Я хочу, чтобы мне поверили в том, что я, если меня не оставят физические силы, умру с полным спокойствием и пониманием, что умру на самом законнейшем основании, что я совершил больше, чем можно искупить смертью, и чтобы поверили мне в том, что я умру с проклятием ТРОЦКОМУ, германскому фашизму и с последним словом любви к армии, к вам, к своей партии, к СТАЛИНУ, к своей родине. Это единственно, чего я хочу от вас, от которых, как от командиров и когда-то моих товарищей, не могу ждать ничего иного, кроме как непримиримой борьбы, как с врагом партии.

Последнее слово подсудимого ТУХАЧЕВСКОГО.

Я хочу сделать вывод для себя из той гнусной работы, которая была проделана. Я хочу сделать вывод, что в условиях победы социализма в нашей стране всякая группировка становится антисоветской группировкой и всякая антисоветская группировка ^{сливается} с гнуснейшим троцкизмом, с гнуснейшим течением правых. А так как базы для этих сил нет в нашей стране, то волею-неволею эти группировки скатываются дальше, на связь с фашизмом, на связь с германским генеральным штабом. Вот в чем гибель этой контрреволюционной работы, которая по существу была направлена к реставрации капитализма в нашей стране.

Я считаю, что в такой обстановке, как сейчас, когда перед Советской страной стоят гигантские задачи по охране своих границ, когда предстоит большая, тяжелая и изнурительная война, в этих условиях не должно быть пощады врагу.

Я считаю, что наша армия должна быть едина, сколочена и сплочена вокруг своего Наркома, Клементия Ефремовича ВОРОШИЛОВА, вокруг великого СТАЛИНА, вокруг народа и нашей великой партии.

Я хочу заверить суд, что полностью, целиком оторвался от всего того гнусного контрреволюционного и от той гнусной контрреволюционной работы, в которую я вошел.

Я считаю, что в своих показаниях я показал и следствию и Суду с предельной, я бы сказал, величиной все то, что угрожает опасностью Красной армии, в связи с вредительской работой и теми известными установками фашистских государств, о которых я говорил. Я сознательно не жалел себя и остальных участников заговора и полностью раскаялся, полностью стою и хочу стать в полной мере на защиту нашей Красной армии и нашего отечества. Я предельно изложил все эти опасности, все эти стороны тяжелых преступлений, в которые, не будь бы я сам их участником, даже не мог бы поверить, что они могут существовать на самом деле.

Я хочу сказать, что я гражданскую войну провел, как честный советский гражданин, как честный красноармеец, как честный командир Красной армии, не щадя своих сил дрался за Советскую власть, и после гражданской войны делал тоже самое. Но путь группировки, ставившей меня на путь подлого правого оппортунизма и трижды проклятого троцкизма, который привел к связи с германским фашизмом и японским генеральным штабом, все же не убили во мне любви к нашей армии, любви к нашей Советской стране, и делая это подлое контрреволюционное дело, я тоже раздваивался. Вы сами знаете, что несмотря на все это, я делал полезное дело в области вооружения, в области боевой подготовки и в области других сторон жизни Красной армии.

Преступление настолько тяжело, что говорить о пощаде трудно, но я прошу Суд верить мне, что я полностью открылся, что тайн у меня нет перед Советской властью, нет перед партией и если мне суждено умереть, я умру с чувством глубокой любви к нашей стране, к нашей партии, к Наркому ВОРОШИЛОВУ и великому СТАЛИНУ.

Последнее слово подсудимого УБОРЕВИЧА:

Я честно работал до 1934 года; не знал ТРОЦКОГО, ЗИНОВЬЕВА, правых. Не связывался с ними. Здесь только открылась для меня тайна всех этих дел.

Но в 1935 году я совершил воинское преступление, приняв пораженческие задания ТУХАЧЕВСКОГО и за это я, как солдат, если бы у меня была тысяча жизней, не в состоянии был бы искупить ими свою вину. Я прошу у партии и советского народа, у армии прощения за мои последние величайшие преступления.

Процесс освободил меня от кошмаров заговора и дьявольских директив ТУХАЧЕВСКОГО - сиречь, ТРОЦКОГО, немецкого генерального штаба. Я умру сейчас с прежней верой в победу Красной армии. Красную армию готовят крепко к этим победам. Все!

Последнее слово подсудимого КОРКА:

За те гнуснейшие преступления, которые мною совершены, нет вообще соответствующего наказания в Уголовном Кодексе, которым я мог бы искупить свою вину. Расстрел

за всю эту совокупность преступлений, очевидно, мал.

Я с полным сознанием готов принять высшую меру наказания за свои преступления. Но, вместе с тем, я должен сказать, что, будучи готовым к смерти, моей последней мыслью будет мысль о том, что я раскрылся; я умру с мыслью о том, что под руководством великого СТАЛИНА, под руководством Кlementa Ефремовича ВОРОШИЛОВА будут одержаны победы над теми врагами, в пользу которых я, вместе с остальными членами нашей контрреволюционной организации, замыслил гнуснейшие дела.

Итак, я готов принять вполне заслуженную кару - высшую меру наказания. Но вместе с тем я прошу суд учесть следующее:

Первое: - 13 лет я работал честно, добросовестно и на фронтах и в годы мира. В годы войны участвовал и одержании побед вместе с другими бойцами над нашими врагами. В годы мира участвовал в строительстве наших вооруженных сил. Роковой год - 1931-й, оказался для меня годом, когда физически представляя из себя одного человека, во мне появилось два существа.

Что я этим хочу сказать?

Я хочу сказать, что, став на путь измены, гнусного предательства, на путь совершения преступлений, которым нет названия, во мне все время продолжало жить и другое. Я постепенно убеждался в том глубочайшем заблуждении, в котором я находился с 1931 года. Я не

верил в правильность генеральной линии партии, не верил в правильность сталинской линии, я проникался сомнениями и поддался гнусной клевете правых и еще более гнусной деятельности троцкистов, когда правые с троцкистами слились в одно целое и замыслили самое преступное, что вообще человеку может придти в голову.

И прошу учесть, что на протяжении ряда лет, я внутренне переживал самую тяжелую трагедию, когда убеждался во всей ошибочности того, что мной было допущено в момент вступления в контрреволюционную организацию. Но возврата для меня уже не было. Я был связан с другими лицами, с руководителями, а самое плохое то, что во мне не хватило смелости открыто придти и сказать органам власти, открыто сказать большевистской партии, что я из себя представляю, что я замыслил, какие преступления совершены и какие еще предвидятся.

И прошу поверить мне сейчас, что я искреннейшим образом раскаялся. Я чистосердечно признался на следствии. Мне, конечно, могут сказать, что это поздно, но, как смягчающее вину обстоятельство, я прошу это учитывать при вынесении судебного приговора. И, может быть, в моем последнем слове это должно звучать чудовищно, но я все таки хочу высказать надежду, свою последнюю надежду на то, что если мне будет сохранена жизнь, то эту жизнь, вернее остаток ее, будет мной использован так, чтобы действительно на каждом шагу показать свою глубочайшую преданность большевистской партии, готовность до

последнего вздоха отдать себя на строительство социализма. И если бы я смог встретиться с врагами советской страны, то я, безусловно, сумел бы показать свою глубочайшую преданность стране, партии, великому СТАЛИНУ, вождю Красной армии, ВОРОШИЛОВУ в тех боях, к которым если партия, если правительство признает это возможным, в будущем я мог-бы быть допущен.

Я ходатайствую перед судом о снисхождении, об облегчении той тяжелой участи, которая досталась мне за мои преступления.

Последнее слово подсудимого ЭЙДЕМАНА:

Нет слов для того, чтобы еще раз говорить о моей огромной, не имеющей пределов вине, о моем преступлении перед государством, перед родиной, перед партией, правительством и советским народом. Глубина моего падения беспредельна. Я оказался в стане самых заклятых врагов народа, своей страны, в качестве одного из активных участников, я изменил своей родине, я изменил ей не только как гражданин своей страны, но и как солдат, что неизмеримо усугубляет мою вину, вину человека, призванного в Красную армию, чтобы беречь эту родину. Поэтому для меня ясно, что нет такого приговора, какой бы он ни был суровый, который бы соответствовал пределам моей вины. Я изменил своей стране и нарушил присягу. В этой присяге имеются замечательные слова о том, что всякий,

кто отступил от этой присяги должен иметь своим уделом всенародное презрение. Мне понятно, что не может быть найден предел этому всенародному презрению ко мне и к моим сообщникам по этой гнусной, предательской, изменнической работе.

Я прошу суд верить в одно, что до вступления в эту организацию я честно, не задумываясь, отдавал свои силы родной стране, я жил вместе с партией, я жил вместе со всей страной. Я стал скатываться, загнивать в годы трудностей, в годы переходного периода 1930 и 1932. Я не шел в партию с этими сомнениями и колебаниями, затаив все это в себе, я загнил. Затаив в себе эти колебания и загнивания, я попал в руки самого заклятого врага народа - ТРОЦКОГО.

Я не могу сказать, (я бы солгал тогда) что всю эту гнусную работу я делал не переживая глубоко, внутренне всего того ужаса, что мы творим, что мы готовим для нашей страны. Не был я настолько слеп, чтобы я не мог видеть, как процветает наша страна. Не был я настолько слеп, чтобы не видеть, как победила политика строительства социализма. Не был я настолько слеп, чтобы не видеть того, как шел под руководством партии и правительства в гору могущественный советский народ. Я двоился. Я переживал тягостно и болезненно это внутреннее раздвоение, но я это все говорю не для того, чтобы попытаться оправдаться перед судом, который может иметь и обязан иметь к таким людям, как я, как мои сооб.

щники, один подход - подход суровый, не знающий колебаний. Трудно найти кару соответственно нашим преступлениям. Прошу лишь одному верить, что все то, что я сказал, я сказал полностью, не утаив ничего, не унося с собой ничего. Мне стало легче. Я стал дышать всей грудью только после того, как с меня свалился этот тяжкий груз моих преступлений, которые я нес все эти последние годы. Поэтому смешно, дико было бы мне что-нибудь утаивать перед Вами, граждане судьи, которые обязаны до конца расправиться не только с нами, но и с теми корнями, которые мы успели, к величайшей беде нашей страны, запустить в ряды армии. Как бы не был суров приговор, мне ясно, что он может быть только один. Я себя чувствую сейчас вернувшимся обратно на советскую землю, я могу сейчас без колебаний сказать, что я принимаю этот суровый приговор для того, чтобы последний остаток, последние минуты своей жизни, последние часы своей жизни покрыть проклятием того гнусного врага народа - ТРОЦКОГО, агента германского фашизма, благодаря которому и я стал агентом германского фашизма. Пусть цветет наша страна, пусть она идет вперед все к новым, все к более ярким, все более прекрасным победам, пусть уроки нашего тяжкого преступления еще крепче укрепят нашу славленную рабоче-крестьянскую армию, защищающую священные границы страны социализма. Пусть еще крепче сплотится советский народ вокруг испытанного руководителя партии великого вождя СТАЛИНА, вокруг партии, Пусть увидят еще

раз советский народ и народы всего мира, кто является защитником мира во всем мире и кто несет сейчас угрозу новой войны.

Последнее слово подсудимого ПУТНА.

Зерно растлевающего троцкизма во мне было заброшено теми людьми, которые меня вовлекли в троцкизм сравнительно рано. Я проделал постепенно и последовательно почти весь путь троцкизма от начала фрондерства против партийного руководства через переход на нелегальные методы борьбы с партией, через переход на установки более позорные, более подлые и пришел в лагерь врагов партии, государства, Красной армии и страны в целом к 1931г. В результате того процесса разложения, который происходил во мне, я оказался целиком под теми предательскими установками, которые в арсенал своих методов борьбы против партийного руководства, против партии и советского правительства избрали своим методом террор, шпионаж, вредительство и привлечение иностранной вооруженной силы на нашу территорию.

Этот процес вначале для меня также был достаточно болезненным, но я забрел в гнилое русло троцкистского разложения, в своей борьбе против нашей страны и руководства так далеко, глубоко и последовательно, что нормальное человеческое мужество, человеческая храбрость оказались недостаточными, чтобы меня из этого русла вырвать.

За тот промежуток времени, который я провел в заключении, я всесторонне и многократно продумал все мною

содеянное, и, сейчас, перед судом в такой же мере, как это сделали и соучастники, с которыми я это преступление совершал, я заявляю, что нет мер воздействия, которые бы могли в какой-либо степени напомнить эквивалент воздействия за ту сумму преступлений, которые нами совершены и содеяны. Есть только одна мера, которая может быть не в полной мере исчерпывает преступные отрицательные заслуги мои, но которая, естественно, должна быть применена. И я считаю, что в результате раскаяния, моих показаний следствию и суду, я приобрел только маленькое право для самого себя: это умереть советским человеком.

Многие знают, что я был иной, и сейчас мне нет никакого иного утешения, как только то, что я когда-то был иной. И сейчас, на очень короткий промежуток времени, по моим внутренним чувствам я вернулся в прежнюю норму. Я считаю, что в больном организме, разложенном, пораженном как-бы ядовитыми газами, в организме, разложенном ТРОЦКИМ, приведшим меня на службу германскому генеральному штабу и на службу коалиции, в этом организме, видимо, остались еще не совсем омертвевшие очаги, которые дали мне силу физическую и моральную рассказать следствию и суду все то, что я знал о преступной деятельности. Мне трудно судить достаточно ли этих не омертвевших, но разложившихся тканей во

мне, чтобы еще можно было говорить о том, что я смог бы в какой либо степени в будущем искупить свою вину. Искупить, я думаю, невозможно. Может быть, сгладил бы, но не мне об этом судить. Я сказал, что есть одна мера взыскания, которая, в какой то степени может не воздать должного мне, а служить примером для других. Эту меру я принимаю, как должную и справедливую. Я умру советским человеком, сознавая, что хорошо еще то, что все наши замыслы, все наши затеи не удались в такой мере, как мы рассчитывали и что поскольку наша преступная деятельность пресечена, постольку может быть в какой-либо степени наше разоблачение послужит исходным пунктом для того, чтобы и дальше все это ликвидировать. Я думаю, что поступательное движение социалистического строительства в нашей стране пойдет еще дальше и прогрессивнее. Наша страна еще больше будет крепнуть и расцветать, чем это есть в настоящее время. И в последний мой час это будет мне в известной мере утешением.

Председатель: Подсудимый ПРИМАКОВ, вы имеете последнее слово.

Последнее слово подсудимого ПРИМАКОВА.

В последнем слове, граждане судьи, я должен сказать и последнюю правду о нашем заговоре, а последняя правда заключается в том, что ни в истории нашей революции, ни в истории других, не было такого подлого за-

говора как наш, ни по целям, ни по составу, ни по тем средствам, которые заговор для себя выбрал. Из кого состоит заговор, кого об"единило фашистское знамя ТРОЦКОГО Оно об"единило все контрреволюционные элементы, которые у нас были. Все они от обломков старых офицерских групп, к троцкистской группе, с ее террористическими подлыми установками, с ее практикой борьбы против партии, через остатки зиновьевцев, все, что было контрреволюционного в Красной армии, - собралось в одно место, под одно знамя, под фашистское знамя в руках ТРОЦКОГО. Это первое.

Какие средства выбрал себе этот заговор, не знающий себе равного в истории? все средства - от самой черной измены, от предательства, от подготовки поражения своей страны через вредительство, через шпионаж, через террор, направленные против мозга и сердца нашей страны. Вот средства, которые избрал заговор. Для какой цели? Для восстановления капитализма. Что значит достижение этой цели и каким путем можно достичь эту цель, действуя так, как действовали наши заговорщики. Путь один: надо ломать диктатуру пролетариата, но сломать может только фашистская диктатура. Но эта фашистская диктатура была бы создана в виде полдесятка Наполеонов, а хозяином должен был стать тот Наполеон, который выгоден германскому генеральному штабу потому, что, если Красная армия будет поражена и обескровлена, страна лишена силы, так кто-же

будет хошином, как не гитлеровский штаб и кто поставит в стране власть кроме гитлеровского генерального штаба. Вот к чему шел разговор. Он шел к фашистской диктатуре, причем из полдюжины Наполеонов был-бы выбран тот, который выделен путем предательского пораженчества, путем подлой их подготовки врагу. Не было бы никакой силы, кроме той, которую привели с собой фашисты. А что это значит для нашей страны? Это значит, что Советский Союз стал бы белым Китаем, от которого были бы взяты лучшие провинции, а мы теперь знаем, что было бы взято и знаем это давно, и не только здесь на суде.

Каждый пионер знает план Германии, которая хочет забрать Украину, план Японии, которая хочет забрать Приморье и превратить нашу страну в белый Китай.

Вот почему я говорю, что история не знает ни по целям, ни по средствам, ни по составу - равного по подлости заговора.

Какие же силы собрал заговор для того, чтобы выполнить этот план? Я назвал следствию больше 70 человек заговорщиков, которых я вербовал сам или знал по ходу заговора. Я составил себе суждение о социальном лице заговора. Из каких групп состоит наш заговор, руководство заговора, центр заговора? Состав заговора состоит из людей, у которых нет глубоких корней в нашей Советской стране потому, что у каждого из них есть своя вторая родина. У каждого из них персонально есть семья за границей. У ЯКИРА - родня в Бессарабии; у ПУТНА и УБОРЕВИЧА - в Литве. ФЕЛЬД-

МАН связан с Южной Америкой не меньше чем с Одессой; ЭЙДЕ-МАН и КОРК связаны с Прибалтикой не меньше чем с нашей страной.

Эта группа руководителей, для которой предательство облегчается тем, что нет крепких корней в Советской стране.

Вторая группа, к которой принадлежу я - это троцкистская группа. Если первая группа действовала путем предательства, то вторая группа троцкистская - это самая окаянная группа в заговоре потому, что она прошла самый подлый путь, имеет самую подлую школу и имеет своего вождя ТРОЦКОГО, который требовал фашистское знамя.

Вот почему эта группа хуже всех в этом заговоре, она и естественно больше всех в этом заговоре.

Из кого же состоит масса заговора? Она состоит из мелкой буржуазии, из кулачества, которые составляли в свое время основу армейских прапорщиков.

Я знаю весь состав заговора, во всяком случае половину. Среди них нет рабочих; нет пролетариев в нашем заговоре; есть мелкая буржуазия, есть кулаки.

Есть ГАРЬКАВЫЕ, САВИЦКИЕ, но вы не назовете настоящего рабочего, который бы участвовал в этом заговоре.

Вот социальное лицо нашего заговора, о котором надо сказать суду для того, чтобы суд знал, что жалеть здесь некого.

И еще одно я хотел сказать, что настоящим спасением для страны было то, что открыт заговор для военных действий потому, что все было подготовлено, были проданы укрепленные районы, были подготовлены восстания в Ленинграде, Москве и других крупных городах; были подготовлены террористические группы для удара в мозг и сердце нашей страны.

Это спасение в том, что заговор открыт во время.

Это все относится к последней правде, которую нужно знать суду. Нам надо прямо сказать это.

Еще два слова скажу о себе. Я должен прямо сказать, что я, бывший коммунист и бывший солдат революции, благодаря тому, что я созидался в троцкистах, что я сделал с ними весь путь с 1923 года, я пришел в фашистский лагерь и я с отчаянием вижу, что я пришел к месту, хуже которого нет на свете.

И поэтому нужно судить нас так, чтобы это было на пользу страны, а не так, чтобы думать о нас.

Последнее слово подсудимого ФЕЛЬДМАНА.

Мое преступление, по сравнению с преступлениями остальных участников, увеличивается во много раз.

Увеличивается потому, что я до революции не имел своей родины. Царская Россия не была моей родиной. И в Южную Америку я попал потому, что вынужден был удирать из царской России, которая не могла быть для меня родиной.

Мировую войну я окончил солдатом; ефрейтора мне дали после.

А советская власть меня из простого солдата сделала советским генералом — комкором, учила, воспитывала, растила. Учил, воспитывал и растил меня сам Климент Ефремович ВОРОШИЛОВ и кое кто из сидящих здесь.

И я, солдат, ставший советским комкором, советский генерал, продался и продал свою родину.

Я хочу сказать два слова для того, чтобы те командиры, которые здесь сидят, поняли как бывает опасен и скользкий путь. До 1932г. я был порядочным гражданином, командиром, коммунистом. Работал очень много над собой, над своим ростом и шел по прямой дороге генеральной линии партии. Но стоило сделать маленький уклон, всего на несколько градусов и я покатился дальше.

Сидящие здесь командиры должны понять, как подчас невинный разговор, невинное втягивание в разговор против руководителей страны, намеки на руководство, на линию партии могут человека свернуть с правильного пути и толкнуть на тот путь, который меня привел к предательству и измене.

Я не хочу сказать, граждане судьи, что в сравнении с другими соучастниками моя вина меньше. Ведь, когда судят бандита, не считают количество ран, которые он нанес своей жертве: убил ли он ее одним ударом, или может быть как любитель нанес ей несколько ударов. Несмотря на то, что в таком деле, как разработка всяких пораженческих планов я не участвовал, но и то, что я делал вполне достаточно для того, чтобы решить вопрос обо мне таким образом: врага надо уничтожить.

Но вот все-же, когда посмотришь на состав судей и поймешь, что это судят командиры, то напрашивается мысль все же не так, как сказал ПРИМАКОВ, что с нами не надо считаться.

Не такова Советская власть. А где Сталинская Конституция и великодушие советской власти?... Хочу обратить внимание граждан судей, что врага надо карать, надо уничтожать его, но если враг сдался, если враг разоружился, если он соскреб с себя все, так нельзя не подумать об исправлении этого врага.

Поэтому, когда я обращаюсь к Вам, граждане судьи, со своим последним словом, хочу просить Вас, когда будете решать вопрос, все-таки взвесить, положить на чашу весов мои тягчайшие преступления, которые тянут вниз, а на вторую чашу тот факт, что падение началось с 1932 года, что до 1932 года я работал хорошо, как полагается честному командиру, что в период этих тяжелых

лет предательства, когда человек раздваивается, я все же делал подчас и полезное дело и, наконец, положить на чашу весов и то обстоятельство, что у меня не осталось ничего за пазухой. Я соскреб с себя скребницей все, стал искренним, раскаялся, не ждал ни показаний, ни очных ставок, а все, что было отдал суду и следствию.

Я могу, хотя в малейшей степени, просить суд учесть это, а Ваше дело решить. Снисхождения никто из нас не заслуживает.

Если могло бы случиться, что Советская власть и коммунистическая партия в своем великодушии учли бы все то, о чем я говорил, я бы еще последние годы своей жизни отдал бы на любом участке работы, чтобы то, что я снял и сбросил с себя, соскреб с себя скребницей, смыть еще с себя кровью в схватке с тем германским фашизмом, на который я последние годы работал.

Председательствующий тов. УЛЬРИХ: Суд удаляется на совещание (в 21 час 15 мин.).

В 23 часа 35 мин. Председательствующий тов. УЛЬРИХ оглашает приговор Специального Судебного Присутствия Верховсуда СССР.